

Долги на распутье

Лилия Астрина

Лилия Астрина

Долги на распутье

<https://litres.ru/74690514>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Девятипути всякая удача имеет цену, а обещание слышат духи дорог. Савел Вежин с детства умеет находить чужие долги и взыскивать их по семейной книге. Это ремесло кормит дом — пока очередная исполненная расписка не отнимает у его сестры привычное движение руки.

Савел выясняет: отец годами менял получателей в старых записях, превращая благодарность путников в наследственное право семьи. Чтобы остановить взыскание, придётся открыть книгу городу, разыскать живых участников обменов и отказаться от дара, без которого Вежины могут лишиться дохода и дома. Но дух Клин не злодей и не спаситель. Он исполняет ровно то, что люди согласились сказать вслух.

«Долги на распутье» — самостоятельное приключенческое фэнтези о семейной тайне, цене точных слов и свободе не отвечать за обещания, которых ты не давал.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Расписка на девятой дороге	5
Глава 2. Дом, который кормят обещания	26
Глава 3. Дух исполняет дословно	45
Глава 4. Руки фонарщицы	69
Глава 5. Первый живой получатель	95
Глава 6. Долг за чашку воды	114
Глава 7. Подмастерье без выхода	134
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Лилия Астрина

Долги на распутье

От автора

Долг удобно представлять тяжёлым мешком: взял, отнёс, поставил на место — и больше никому ничего не должен. Но обещание редко живёт отдельно от людей. Пока один человек исполняет точные слова, другой может обнаружить, что получил совсем не то, на что соглашался. Семья способна годами кормиться правильным ремеслом и не замечать, кому достаётся его настоящая цена.

Эта история происходит в городе девяти дорог, где духи не умеют прощать неточность и не обязаны понимать человеческое намерение. Здесь расписка может привести путника домой, а может сделать долг наследством тех, кто никогда его не принимал. Сборщику Савелу предстоит проверить не только чужие обещания, но и книгу собственного дома.

В мире Девятипути магия следует словам буквально. Поэтому важны простые вопросы: кто получил пользу, кто платит, когда обязательство кончается и можно ли отказаться до согласия. Ответы не делают выбор лёгким. Они лишь не позволяют спрятать человека внутри красивого слова «общее».

Глава 1. Расписка на девятой дороге

Девятая дорога отдавала удачу неохотно.

Сначала под левым колесом телеги лопнула спица. Потом ветер вырвал из рук Савела сложенный вчетверо лист и понёс его не в поле, где бумагу можно было догнать, а прямо под копыта почтовой тройки. Савел успел наступить на край сапогом. Кучер обругал его, лошади шархнулись, лист хрустнул под подковой, но уцелел. На последней версте к Десятипути из канавы выкатился медный грош и лёг орлом вверх. Савел не поднял его.

На девятой дороге случайная находка почти всегда оказывалась чьей-нибудь платой.

Он отвёл телегу к дорожному столбу и снял с борта железный фонарь. День стоял ясный, пламя было не нужно, но сборщик без фонаря походил на мельника без мешка: человек вроде бы тот, а доверия к нему меньше. Внутри вместо свечи висели девять тонких пластинок. Восемь были деревянными, девятая — медной, потемневшей от пальцев. Савел задел её ногтем. От дороги пришёл ответный звон, слишком низкий для металла и слишком долгий для безветренного полудня.

— Слышу, — сказал Савел.

Подорожники у обочины разом повернули листья белой изнанкой. Между двумя придорожными камнями проступила узкая тень. Солнце лежало справа, тень тянулась влево, как и полагалось, но у неё оказалось три плеча и ни одной головы.

Савел поставил фонарь на землю, расстегнул кожаную суму и вынул семейную книгу. Обложку когда-то сделали из седельной кожи. На ней остались потёртости от пряжки и полукруглый след лошадиного зуба. Отец утверждал, что книга помнила все девять дорог лучше любого человека. Савел в детстве верил. Теперь он знал: кожа ничего не помнит. Помнят чернила, зарубки, человеческие подписи и те, кто пережил подписавших.

Он нашёл закладку из серой тесьмы.

— Дорога девятая, тридцать первый камень от Кругового двора. Обмен заключён двадцать два года назад, на второй день листопада. Проситель — караванщик Мелех Краюш. Получатель пользы — дом Вежиных, сборщиков Девятипути. Цена — одна удача на торге, возвращённая до третьего полудня после предъявления. Предел — не больше стоимости гружёной телеги. Свидетель — дорожный дух Клинь.

Тень между камнями шевельнулась. Три её плеча сложились в одно, и из пыли поднялась рука. Пальцы были длинными, с суставами из мелких кремней. Ладонь раскрылась.

— Предъявлено, — произнёс голос.

Он звучал не из тени и не из руки. Слово пришло со всех

сторон: от колеи, из сухой травы, из трещины в медной пластинке фонаря.

— Назови себя, — потребовал Савел.

— Клин между дорогами. Свидетель и держащий цену.

— Подтверди срок.

— Третий полдень наступит завтра.

— Подтверди предел.

В пыльной ладони что-то блеснуло. Тот самый грош, который Савел оставил в канаве.

— Не больше стоимости гружёной телеги на день исполнения. Не меньше одной удачи на торге.

Савел поморщился. Духи любили ответы, которые были безупречно точны и совершенно бесполезны. Сколько стоит удача, пока не случилась? Сколько стоит гружёная телега, если груз окажется тухлой рыбой или серебром? Люди оставляли такие щели в обещаниях, а потом сердились на дорогу за сквозняк.

— Где Мелех Краюш?

— Не назван получателем.

— Я не спросил, назван ли он.

— Тогда вопрос не относится к обмену.

Пыльная рука начала осыпаться. Савел быстро прижал большой палец к нижнему углу страницы. Строка была написана отцовской рукой: узкие буквы, острые крючья у «д», нажим такой сильный, что слова читались на обороте. Под записью стояли три зарубки: Мелехова, отцова и дорожная.

Последняя не была чернилами. Бумага сама потемнела в форме расходящихся колея.

— Удерживаю предъявление, — сказал Савел. — Получатель принимает пользу завтра на утреннем торге у западных весов. Польза — удачный сбыт одного лота. Цена и предел остаются записанными.

Рука застыла.

— Получатель — дом Вежиных.

— Дом будет представлен мной.

— Дом состоит не из тебя одного.

Савел поднял голову. У тени по-прежнему не было лица, но он ощутил её внимание так ясно, словно собеседник наклонился к нему через стол.

— Раньше тебя это не заботило.

— Раньше ты не называл себя домом.

Вот за это люди и не любили разговаривать с Клином. Другой дух мог пригрозить, схитрить, выторговать лишний глоток пива или попросить красную ленту на столб. Клин всего лишь помнил слова и замечал разницу между ними.

Савел закрыл книгу.

— Завтра. Утренний торг. Западные весы.

— Услышано.

Пыль осела. Тень стала обыкновенной. В траве стрекотнул кузнечик, до того молчавший, и сразу же ему ответили ещё трое.

Савел убрал книгу, поднял фонарь и только тогда позво-

лил себе посмотреть на грош. Монета лежала там, где показалась впервые. Теперь решка смотрела вверх.

Он обошёл её и принялся менять спицу.

К Десятипути Савел добрался перед закрытием ворот. Город никогда не окружали стенами: девять дорог не терпели, когда одну объявляли внутренней, а другую внешней. Вместо стены вокруг домов тянулся пояс постоянных дворов, кузниц, навесов и коновязей. Любопытный въезжающий сперва попадал не к страже, а к тому, кто мог накормить лошадь, починить ось или задать цену за ночлег.

Круговой двор занимал середину города. Девять ворот выходили к девяти трактам, девять галерей смотрели внутрь, на площадь с весами, колодцем и низким каменным кругом. В этом круге дорога могла ответить человеку, если человек правильно назвал, что отдаёт и чего просит. Чаще там отвечали торговцы.

У западных весов спорили из-за мешка сушёных яблок. Хозяин уверял, что весовщик придерживает чашу локтем. Весовщик предлагал хозяину самому залезть на чашу и проверить. Вокруг смеялись. Савел проехал мимо и отметил, что завтра здесь будет тесно. Чем больше свидетелей видят удачу, тем больше людей считают её своей заслугой.

Дом Вежиных стоял за северной галереей и был сразу мастерской, конторой и жильём. Над дверью висела вывеска без слов: ладонь держит верёвку с девятью узлами. Когда-то узлы были позолочены. Теперь золото осталось лишь

в углублениях, куда не добирался дождь.

Из открытого окна мастерской падал ровный жёлтый свет. Яра работала за длинным столом, держа жестяной лист щипцами. Её волосы были убраны под серую косынку, на щеке чернела полоса сажи. Перед ней стоял почти готовый дорожный фонарь: шесть граней, прикрытые слюдой, и медная крыша с дырочками в форме звёзд.

Савел внёс свою дорожную лампу и поставил рядом.

— Моя опять звенит на поворотах.

— Она должна звенеть на поворотах. В ней пластины.

— Она звенит так, будто просит милостыню.

— Тогда давай ей по грошу на каждой заставе.

Яра не оторвалась от работы. Щипцы в её руке повернулись, прижимая узкий край жести к оправе. Движение было быстрым и точным. Она делала такие фонари с пятнадцати лет и могла собрать простой дорожный короб в темноте, если заранее разложить детали.

— Нашёл Клина? — спросила она.

— Он и не прятался.

— Это ты называешь удачным днём?

— До вечера далеко.

— Уже вечер.

Савел выглянул в окно. Солнце действительно зацепилось за крыши западной галереи. В дороге время делилось верстовыми камнями, а в городе им распоряжалась Яра.

Он снял плащ и повесил на крюк.

— Клин подтвердил взыскание на завтра. Западные весы, утренний торг. Я выставлю старую сбрую и два ящика бронзовых застёжек.

Щипцы остановились.

— Какие застёжки?

— Из нижней кладовой.

— Те, что отец купил у вдовы Полоза?

— Они лежат шестой год.

— Потому что на половине левый крючок короче правого.

— Значит, удача им пригодится.

Яра фыркнула и снова взялась за оправу.

— Удача на торге нужна тому, кто продаёт хороший товар в плохой день. Тот, кто продаёт плохой товар, нуждается в покупателе без глаз.

— В расписке сказано «одна удача на торге». Ни слова о товаре.

— Ты уже говоришь как Клин.

Савел хотел ответить, что именно за это семье платят, но промолчал. На столе у локтя сестры лежали три неоплаченных счёта: за слюду, за уголь и за льняное масло. Бумаги были перевернуты лицом вниз, однако Яра загнула разные углы, и Савел знал её порядок. Самый большой долг отмечался правым верхним.

— Завтра продадим застёжки, — сказал он. — Закроем масло и часть угля.

— Если Клин решит, что дом представлен всеми, придёт-

ся тащить на торг отца вместе с креслом.

— Он сегодня сказал то же самое. Не про кресло.

Теперь Яра посмотрела на него.

— Что именно?

— Что дом состоит не из меня одного.

За стеной конюшни лошадь стукнула копытом. С улицы донёлся крик разносчика горячих лепёшек. Обычный вечерний шум вдруг стал слишком отчётливым, будто мастерская затаилась, а город продолжал жить без неё.

— В книге получателем записан дом? — спросила Яра.

— Дом Вежиных, сборщиков Десятипути.

— А просил кто?

— Мелех Краюш.

Она отложила щипцы.

— Караванщик с красной серьгой?

— Ты его помнишь?

— Смутно. Он приносил мне сахарного петуха. Я была маленькая, петух растаял в ладони, и отец ругался, что я испачкала книгу.

— В каком году?

— Не знаю. До смерти матери. А что он получил?

— В строке не сказано.

— Ты читал договор целиком?

— Я только что с дороги.

— Это не ответ.

Она протянула руку к семейной книге, когда Савел поло-

жил её на стол. Он придержал обложку.

— У тебя жёсть горячая.

— У меня есть глаза.

— А на пальцах масло.

— Книга пережила сахарного петуха. Переживёт масло.

Савел отпустил. Яра открыла нужную страницу без закладки. Наверное, вспомнила пятно: под строкой о Мелехе виднелся бледный красный отпечаток детской ладони. Савел замечал его сотни раз и никогда не спрашивал, откуда он взялся.

Яра прочла запись дважды.

— Здесь нет того, что просил Мелех.

— Есть цена, польза, получатель, срок и предел.

— Польза — для нас. Цена — у Клина. А Мелех зачем пришёл?

— Возможно, получил что-то раньше. Дух держал встречную плату до предъявления.

— Что получил?

— В строке не сказано.

— Значит, это не обмен, а половина обмена.

Савел потёр переносицу. Дорожная пыль забила под веки, плечо ныло после смены колеса, а внизу отец уже стучал тростью, требуя ужина. Завтра предстояло вывести на торг товар, выдержать внимание Клина и продать застёжки так удачно, чтобы никто не смог назвать успех случайностью. Всё это было привычной работой. Вопрос Яры привычным

не был.

— Отец принимал расписку, — сказал он. — Тогда формы были короче.

— Двадцать два года назад люди тоже умели спрашивать «что мне за это будет».

— Утром спрошу отца.

— Сейчас.

Трость снова ударила в пол, на этот раз трижды.

— Видишь? — сказала Яра. — Он сам вызывается.

Родан Вежин сидел в кухне у печи, завернув больное колено в шерстяной платок. В шестьдесят три он сохранял густые брови, прямую спину и привычку смотреть на детей так, словно они явились к нему на разбор спорной расписки. Только левая рука иногда дрожала, и тогда он прятал её под край стола.

Перед ним стояли три миски с остывающей кашей.

— Если вы решили кормить меня запахом, — сказал он, — положите в него соли.

Яра поставила книгу рядом с миской.

— Мелех Краюш. Девятая дорога. Что он получил?

Родан не взглянул на страницу.

— Безопасный проход каравана.

— Куда?

— До Ясеневого брода.

— Почему это не записано?

— Записано в приходной части.

— Где она?

— В нижней кладовой. Сначала ужин.

Яра осталась стоять.

— Получателем удачи значится наш дом.

— Потому что Мелех не мог ждать двадцать два года, пока дух накопит цену.

— А мы могли?

— Мы приняли ожидание на себя.

Родан подтянул книгу ближе, посмотрел на строку и кивнул, будто встретил старого знакомого.

— Нормальная отсроченная плата. Караван прошёл до брода без потерь. Мелех передал будущую удачу дому в счёт работы сборщика. Я удержал запись, Савел взыщет. Все получают своё.

— Где написано, что Мелех передал её дому? — спросил Савел.

Отец поднял глаза.

— В приходной части.

— А в этой строке?

— Здесь записано то, что обязан исполнить Клин.

— Клин сегодня напомнил, что дом состоит не из меня одного.

Родан усмехнулся.

— Наконец-то дух сказал что-то разумное. Возьми Яру на торг.

— У меня заказ, — сказала она.

— Отложишь на час.

— Если я отложу ещё на час, хозяин «Трёх осей» заберёт задаток.

— Удачная продажа застёжек принесёт больше.

— Савел, ты слышишь? Я уже стала частью товара.

— Никто тебя не продаёт, — отрезал Родан. — Дом получает выгоду вместе. Дом отвечает вместе. На этом держатся семьи.

— Семьи или долговые книги?

— Каша стынет.

Это был отцовский способ закончить разговор, не признав, что он закончен. Яра села, но книгу не закрыла. Савел разлил по мискам горячее молоко из чугунка. Некоторое время слышались только скребки ложек.

— Мелех жив? — спросил он.

Отец пожал плечами.

— Караванщики редко присылают весть, что умерли.

— Родня?

— Была жена у Рябого колодца. Или сестра. Нада может знать.

При имени Нады Яра взглянула на брата поверх миски, но ничего не сказала. Нада Ровня держала выборную печать Кругового двора и считала, что ни один семейный сборщик не должен проверять собственный семейный долг. Савел считал, что человек, который никогда не ночевал у дороги, слишком охотно учит путников, как разговаривать с

темнотой. Они спорили об этом шесть лет и пока не нашли причины прекратить.

— Завтра после торго схожу к ней, — сказал Савел.

— Сначала получи плату, — велел отец. — Не суй городской нос в чистую расписку.

— Если она чистая, нос ей не повредит.

Родан посмотрел на него дольше, чем требовала шутка.

Ночью Савел спал плохо. Дом скрипел, когда по двору проезжали поздние телеги. Перед рассветом ему приснилось, что девять дорог сходятся не на площади, а на их кухонном столе, и отец режет каждую ложкой, как длинную полосу теста. Проснулся Савел от звона.

Медная пластинка в дорожном фонаре дрожала сама собой.

Во дворе было темно. Яра уже запрягала старую гнедую. На телеге стояли два ящика застёжек и свёрнутая сбруя.

— Я думал, у тебя заказ.

— Отец решил, что дому надо быть на торге всем составом. Сам он внезапно оказался слишком стар для утреннего холода.

— Можешь остаться.

— А потом Клин скажет, что дом не явился, и удержит цену ещё двадцать два года? Нет. Я хочу услышать, что именно он исполняет.

Савел взялся за второй оглобельный ремень. Яра затянула первый и привычно перебросила свободный конец через

пряжку. Или попыталась перебросить. Ремень выскользнул из её пальцев.

— Замёрзла? — спросил Савел.

— Ещё нет.

Она подняла ремень и со второй попытки закрепила как следует.

К рассвету западные весы окружили торговцы. На каменных плитах расстелили ковры, выставили бочонки с солёными грибами, корзины пряжи, сапоги, ножи, сушёную рыбу и связки лука. Савел поставил ящики на свободное место возле столба. Яра разложила застёжки на холсте, спрятав самые кривые вниз.

— Это нечестно, — заметил Савел.

— Они не сломаны. Просто некрасивы.

— Левый крючок короче правого.

— Покупателю без глаз это не помешает.

До третьего удара колокола никто к ним не подошёл. Потом толстый приказчик из обозной лавки остановился у сбруи, потянул ремень, назвал цену вполосину ниже разумной и ушёл, не дожидаясь ответа. Яра потёрла ладони.

— Твоя удача опаздывает.

— Срок до завтра.

— Тогда зачем мы здесь сегодня?

Савел не ответил. В тени весового навеса уже стоял Клинт. Теперь он собрал себе подобие тела из дорожной пыли, сухих листьев и обрывков бечёвки. Лица не было; на его месте

пересекались две тонкие колеи.

Люди замечали духа один за другим. Шум стихал не сразу, а кругами. Ближе всех остался мальчишка с корзиной яблок. Он смотрел на Клина открыв рот, пока мать не утащила его за ворот.

— Получатель явился? — спросил дух.

Савел положил ладонь на семейную книгу.

— Дом Вежиных представлен мной и Ярой Вежиной. Родан Вежин по старости остался дома.

— Получатель явился не полностью.

— В записи не сказано, что должны явиться все.

— Верно.

Клин протянул руку к ящикам. Застёжки тихо звякнули, хотя никто их не трогал.

— Назовите принимающего пользу.

— Дом Вежиных, — сказал Савел.

— Назовите человека, чьё решение станет удачным.

Вот она, щель. Не в старой расписке — в сегодняшнем исполнении. Дом не мог принять решение. Дом не торговался, не считал монеты и не отвечал за обманутого покупателя. Решение принимал кто-то один.

— Моё, — сказал Савел.

Одновременно Яра произнесла:

— Его.

Клин повернул к ней пустое лицо.

— Ты отдаёшь ему свою долю пользы?

— Я не знаю, какая у меня доля.

— Тогда не можешь её отдать.

Савел раскрыл книгу.

— В расписке доли не названы. Получатель один — дом.

— Верно.

— Исполни пользу дому через мою продажу.

— Назови цену внутри дома.

— Комиссия сборщика — одна десятая выручки. Остальное идёт на общие расходы.

— Это цена денег. Назови цену удачи.

В толпе кто-то кашлянул. Савел чувствовал, как люди запоминают каждое слово. К вечеру в Девятипути будут рассказывать, что Вежины не сумели принять собственное взыскание.

Яра первой поняла ответ.

— Работа, — сказала она. — Дом кормится нашей работой. Если удача принадлежит дому, цена берётся из общего ремесла.

Клин поднял руку. Между каменными пальцами протянулась тонкая медная нить.

— Назови предел.

— До стоимости гружёной телеги, — быстро сказал Савел.

— Это предел обмена с дорогой. Назови предел внутри дома.

Яра посмотрела на брата. Он увидел в её лице не испуг, а досаду мастера, которому принесли чужую работу без раз-

меров.

— Одно движение, — сказала она. — Не больше одного движения руки. До конца торгового дня.

— Не соглашайся, — сказал Савел.

— Иначе он не исполнит.

— Пусть не исполняет.

Из толпы донёсся голос отца:

— Исполни!

Родан всё-таки пришёл. Он стоял у края площади, опираясь на трость, бледный после быстрой ходьбы.

— Дом подтверждает предел, — сказал он. — Одно движение руки до конца торгового дня.

— Отец, замолчи, — бросил Савел.

Но Клину уже сомкнул пальцы на медной нити.

— Услышано тремя. Польза — дому Вежиных. Принимающий решение — Савел Вежин. Внутренняя цена — одно движение ремесленной руки Яры Вежиной до конца торгового дня. Предел внешней пользы — стоимость гружёной телеги. Срок соблюден.

— Я не называл Яру плательщицей, — сказал Савел.

— Назвала себя она.

— Я назвала работу, — возразила Яра.

— Работа без руки не названа.

— А рука без человека?

Клину молчал.

На площадь въехала телега. Возница ругался на лопнув-

шую подпругу. За ним следовали ещё четыре воза с одинаковыми зелёными дугами. Приказчик, недавно предлагавший полщены, подбежал к Савеловой сбруе, осмотрел её и потребовал назвать стоимость. Савел назвал вдвое больше утренней цены. Приказчик согласился, не торгуясь. Тут же увидел застёжки и забрал оба ящика: хозяин обоза решил до вечера заменить крепления на всех тентах.

Монеты легли на холст одна за другой. Их оказалось достаточно, чтобы заплатить за масло, уголь, слюду и ещё купить телегу хорошей жести. Толпа одобрительно загудела. Кто-то хлопнул Савела по плечу. Весовщик крикнул, что Вежины умеют вытрясти серебро даже из пыли.

Савел смотрел не на монеты.

Яра взяла одну застёжку, оставленную для образца. Подняла щипцы. Сжала ручки, как делала тысячи раз.

Щипцы не повернулись.

Пальцы удерживали их крепко. Запястье сгибалось. Локоть двигался. Но короткое точное движение, которым мастер заворачивал жестяной край вокруг проволоки, исчезло. Яра попробовала ещё раз, медленнее. Металл соскочил и распорол ей кожу у ногтя.

— До конца торгового дня, — сказал Родан.

— Я слышала.

Она обмотала палец тряпицей. Голос у неё был ровным, но щипцы она положила очень осторожно, словно боялась, что рука сама их уронит.

Клин раскрыл ладонь. На ней лежал медный грош.

— Обмен исполнен, — произнёс дух.

В семейной книге сама собой потемнела черта под записью. Савел наклонился к странице. Рядом с отцовской строкой проступили мелкие слова, которых вчера не было. «Внутренняя цена принята от ремесла дома».

Не «до конца торгового дня». Не «одно движение». Эти условия Клин назвал вслух, но книга записала только источник платы.

— Подожди, — сказал Савел.

Дух уже рассыпался. Листья упали на камни, бечёвка свернулась кольцом, пыль потянуло под весы.

— Клин!

Из колеи пришёл ответ:

— Исполненное не удерживают дважды.

— Кто передал удачу нашему дому?

— Названный проситель.

— Где его согласие?

— В записи сборщика.

— А если запись неверна?

Долгая пауза стала первым настоящим страхом этого утра.

— Тогда неверен получатель, — сказал Клин.

— И цена?

— Цена уже принята.

Тень под навесом стала обычной.

Яра закрыла ящик и высыпала серебро в суму.

— Заплатим за масло, — сказала она. — И за уголь. Слюда подождёт.

— Денег хватает на всё.

— Я не хочу тратить удачу, пока не знаю, чья она.

Она пошла к выходу с площади, прижав повреждённый палец к ладони. Родан позвал её, но Яра не обернулась.

Савел вырвал из книги лист не мог — страницы были прошиты жильными нитями и скреплены дорожной зарубкой. Он обвёл новую строку углём, чтобы никто не сделал вид, будто не видел её, и под ней написал собственноручно: «Получатель оспорен. Мелех Краюш не найден. Внутренняя цена взята с Яры Вежиной».

Отец заглянул через его плечо.

— Не порть чистую запись.

— Она уже не чистая.

— Девчонка к вечеру снова возьмёт щипцы. Мы получили честную плату за двадцать два года ожидания.

Савел закрыл книгу.

— Честную для кого?

Родан сжал рукоять трости. Левая рука у него задрожала, но теперь он не спрятал её.

— Для дома.

На площади снова заговорили люди. Торг продолжался. Возница примерял новую сбрую, приказчик пересчитывал застёжки, мальчишка продавал яблоки. Удача Вежиных уже стала для них обычным происшествием, которое можно пе-

рассказать за обедом.

Савел поднял фонарь. Медная пластинка внутри не звенела.

— Я иду к Наде, — сказал он.

— Сначала отнеси деньги домой.

— Деньги отнесёшь ты.

— Савел.

— Найди приходную часть и запись о безопасном проходе. Когда вернусь, я хочу увидеть, что именно получил Мелех, что он отдал и где согласился сделать наш дом получателем.

— Ты сомневаешься в моей руке?

Савел посмотрел туда, где Яра скрылась за навесами.

— Теперь я сомневаюсь в каждой руке, которая записывает чужой долг.

Глава 2. Дом, который кормят обещания

Нада Ровня принимала жалобы там же, где продавала постояльцам похлёбку.

Её заведение занимало угол восточной галереи Кругового двора. Над дверью висела деревянная миска, перечёркнутая ложкой: старый знак бесплатной еды для тех, кто свидетельствует на городском разборе. Бесплатной похлёбка была только для свидетелей. Всем остальным Нада выставляла цену до того, как ставила миску на стол.

Савел застал её за подсчётом сушёного гороха. Нада сидела на корточках у мешка и перекладывала горсти в медный ковш. На ней был тёмный передник, поверх которого на цепочке висела выборная печать двора. Круглая печать била её по груди при каждом движении, однако снимать её в рабочие часы Нада отказывалась.

— Если пришёл спорить о плате за стойло, — сказала она, не поднимая головы, — лошадь ест больше тебя и жалуется тише.

— Я пришёл оспорить получателя в старой расписке. Нада выпрямилась.

— Тогда лошадь сегодня умнее вас обоих. Она хотя бы сначала поела.

Она завязала мешок, вытерла ладони о передник и кивнула на дальний стол. Там обычно разбирали мелкие споры: кому принадлежит найденная под телегой подкова, кто обязан латать крышу над общей стеной, считается ли обещанием фраза «клянусь, завтра занесу», если человек был пьян и занёс только себя.

Савел положил семейную книгу на стол, но не открыл.

— Мне нужен не разбор. Пока нет.

— Значит, ты пришёл бесплатно воспользоваться моими ушами.

— Запишешь миску на мой счёт.

— У тебя уже есть счёт.

Нада принесла две миски. В похлёбке плавали горох, морковь и кусок копчёной кожи, который когда-то мог быть мясом. Савел попробовал и почувствовал, что не ел со вчерашнего дня.

— Номер расписки? — спросила Нада.

— Девятая дорога, второй день листопада, двадцать два года назад. Мелех Краюш просил безопасный проход до Ясеневого брода. Отложенная польза — удача на торге. Получателем записан дом Вежиных.

— Мелех передал право дому?

— Отец говорит, что передал.

— А книга?

— Книга называет дом получателем.

— Я спросила не это.

— Нет отдельной строки о передаче.

Нада съела ложку похлёбки, прожевала морковь и только потом спросила:

— Удачу уже взыскал?

Савел открыл книгу и повернул к ней страницу. Угольный круг вокруг новой строки размазался по полям. Нада прочла сначала отцовскую запись, потом добавление Клина, потом Савелову помету.

— С Яры? — спросила она.

— Одно движение ремесленной руки до конца торгового дня.

— Здесь нет конца дня.

— Я вижу.

— И нет одного движения.

— Тоже вижу.

— Ты был сборщиком при исполнении.

— Был.

— И позволил духу принять цену, которой нет в записи.

— Её назвали вслух при свидетелях.

Нада захлопнула книгу ладонью.

— Если дух исполняет запись, всё названное при исполнении должно попасть в запись. Иначе завтра останется только то, что выгодно держателю цены.

— Клин не ищет выгоды.

— Тем хуже. С жадным можно торговаться. Буква не торгуется.

Савел отодвинул недоеденную миску.

— Я пришёл спросить о Мелехе.

— А я отвечаю о тебе.

— Ответь сначала о нём.

Нада посмотрела на дверь кухни. Там показалась девочка-подавальщица, но, увидев выражение хозяйки, снова исчезла.

— Краюши держали колодец на девятой дороге, — сказала Нада. — Не Рябой. Лисий, на сорок второй версте. Мелех водил обозы, его старшая сестра Орина брала плату за воду. После большой засухи колодец обвалился, семья ушла к Ясеновому броду. Мелех пропал раньше. Караван вернулся без него.

— Погиб?

— Не нашли ни тела, ни пояса, ни серьги. Красная серьга была известная, с кусочком сердолика. Его жена ждала три года, потом уехала с сестрой.

— Имя жены?

— Вея. Где сейчас — не знаю. Орина может быть жива.

— Почему ты это помнишь?

— Потому что тогда пропали трое, а безопасным объявили весь караван. Двое вернулись через зиму из соляных ям. Мелех — нет.

Савел снова открыл книгу.

— Клин мог провести обоз до брода, а Мелеха потерять после исполнения.

— Мог. А мог исполнить безопасность каравана так, что один человек перестал считаться его частью.

— Ты придумываешь худшее.

— Для этого меня выбирают. Лучшее люди придумывают сами.

Нада забрала у него ложку, вытерла рукоять и положила поперёк закрытой книги.

— Я назначу предварительное чтение через три дня. Принесёшь приходную часть, полную строку обмена и свидетелей сегодняшнего исполнения.

— Я не просил назначать чтение.

— Ты поставил помету «получатель оспорен» в книге, по которой взыскиваешь на Круговом дворе. С этой минуты спор касается двора.

— Семейная книга — собственность Вежиных.

— Пока она лежит в сундуке. Как только ты предъявляешь её духу на общей дороге, это уже не семейная стряпня.

Савел забрал книгу. Нада придержала обложку одним пальцем.

— И до чтения не взыскивай старые строки с тем же получателем.

— Не имеешь права запрещать.

— Не запрещаю. Предупреждаю: если ещё чья-нибудь цена уйдёт не тому человеку, я запечатаю книгу до общего разбора.

— Тогда половина двора встанет.

— Значит, пора узнать, на чём она стоит.

На улице колокол пробил полдень. Яра должна была вернуть утраченное движение. Савел расплатился за обе миски, хотя Нада свою почти не тронула, и быстрым шагом пошёл домой.

В мастерской пахло горячей жестью и кровью. На полу валялось испорченное днище фонаря. Яра сидела за столом, держа правую руку в тазу с холодной водой. Порез у ногтя был неглубоким, но на среднем пальце наливался тёмный синяк.

— Торговый день ещё не кончился, — сказал Савел.

— Для моего заказа кончился.

На столе стояли три фонаря. Один был готов. У второго крыша сидела криво. Третий Яра разрезала, пытаясь снять испорченный край.

— Хозяин «Трёх осей» забрал задаток?

— Забрал заказ. Задаток потребует вечером.

— Заплатим из выручки.

— Из чьей?

Савел снял суму с монетами и поставил на стол.

— Я говорил с Надой. Она знает сестру Мелеха. Возможно, та ещё у Ясеневого брода.

— Это не ответ про деньги.

— Пока не трать лишнее. За масло и уголь заплатим: без них дом всё равно не работает. Остальное отложим.

Яра вынула руку из воды и промокнула тряпицей.

— Покажи, сколько у нас «лишнего».

Они перенесли деньги в кухню. Родан сидел у окна и разбирал связку старых деревянных бирок. Услышав монеты, он повернул голову.

— Хорошая сбруя? — спросил он.

— Обычная, — ответил Савел.

— Значит, честная удача.

— Нада назначит предварительное чтение через три дня.

Бирки в отцовской руке перестали стучать.

— Ты всё-таки понёс ей книгу.

— Понёс запись.

— Это одно и то же.

— Нет. Книга наша. Ошибка — общая.

— Ошибки нет.

Яра высыпала монеты на стол. Серебро раскатилось до миски с солью. Несколько мелких кружков провалились в щель между досками.

— Прежде чем вы решите, чья это ошибка, — сказала она, — давайте решим, чей это дом.

Из конторы она принесла счётную доску, мешок глиняных костяшек и пачку счетов. Родан недовольно отодвинул бирки, но остался. Яра разложила бумаги по срокам.

— На этой неделе: масло — двенадцать серебряных, уголь — девять, овёс — семь, мука — пять, плата Тореку — восемь.

— Торек живёт у нас, — сказал Родан.

— И работает у нас. Еда не заменяет плату.

— Он ученик.

— Ему двадцать четыре. Он чинит оправы лучше половины мастеров на южной галерее.

Яра положила по костяшке на каждый счёт.

— До конца месяца: слюда — пятнадцать, долг кузнецу за пруток — шесть, стойло и сено — одиннадцать, городской сбор — десять, лекарю за твоё колено — четыре.

— Лекарь мазал меня вонючим жиром, — буркнул Родан.
— За это он должен четыре мне.

— Скажешь ему сам. Пока он записал иначе.

Савел пересчитал серебро. Удачная продажа принесла шестьдесят три монеты. Текущие счета без слюды требовали семидесяти двух. Если вернуть задаток за фонари, восьмидесяти.

— Где деньги от прошлого взыскания? — спросил он.

Яра молча достала вторую пачку. Сверху лежала расписка пекаря, обещавшего заплатить дому после ярмарки. Под ней — долг колесника, затем долг хозяина северных бань. Все трое получали пользу от взысканий, все трое отложили комиссию.

— Они заплатят, — сказал Родан.

— Пекарь должен с весенней ярмарки, — ответила Яра.
— Колесник отдал половину работой. Банщик предлагает мыться бесплатно до зимы.

— Полезная услуга.

— Уголь за неё не купишь.

Савел разложил монеты стопками. На масло. На уголь. На овёс. На муку. На Торека. Стопка закончилась посередине его платы.

— Доход мастерской за прошлый месяц? — спросил он.

— Сорок один серебряный.

— Расходы?

— Пятьдесят восемь без еды и лекаря.

— Почему не сказала?

Яра посмотрела на него так, что вопрос сразу показался глупым.

— Говорила. Ты ответил, что после взыскания с мостового духа всё закроем.

Он вспомнил. Разговор был у двери, Савел опаздывал на дорогу и натягивал перчатку зубами. Яра назвала несколько чисел. Он сказал: «В пятницу будет комиссия». В пятницу дух потребовал дополнительного свидетеля, взыскание перенесли.

— Сколько дом получает со старых расписок? — спросил Савел.

Яра достала толстую тетрадь в серой обложке. В отличие от семейной книги, она была её собственной: ровные столбцы, даты, имена плательщиков, расходы на дорогу. Савел листал страницу за страницей.

За прошлый год ремесло Яры и работа Торека принесли чуть больше трети дохода. Новые поручения Савела — ещё

четверть. Остальное пришло из старых строк: отсроченные платы, доли урожая, удачные продажи, бесплатные починки, ночлеги, право первым выбрать товар. Некоторые обещания заключал дед. Два — прабабка. В нескольких получателем значился не человек, а «дом Вежиных и его продолжатели».

— Почему я никогда не видел эту тетрадь? — спросил Савел.

— Потому что ты приносишь деньги, кладёшь их в ящик и уходишь за следующими.

— Я веду семейную книгу.

— Ты ведёшь обещания. Я веду дом.

Родан ударил тростью по полу.

— Хватит делить работу на важную и невидимую. Каждый делает своё.

— Именно, — сказала Яра. — Поэтому я хочу знать, почему моё движение стало платой за его взыскание.

— За взыскание дома.

— Повтори это ещё раз, и, может быть, щипцы сами меня послушаются.

Савел нашёл в тетради помету возле мартовской комиссии: «погашено движением». Потом ещё одну, прошлой осенью: «принято от слуха». Ещё ниже: «семейная цена — один день памяти о дороге».

— Что это? — спросил он.

Яра придвинулась.

— Не знаю. Эти слова переносил отец. Деньги после взыс-

каний пришли, поэтому я записала их как доход.

— У кого взяли движение?

Родан потянулся к тетради.

— Старые пометы ни к чему.

Савел убрал её из-под руки.

— У кого?

— У меня, — сказал отец. — Пальцы неделю не вязали дорожный узел. Потом вернулось.

— А слух?

— Тоже у меня. Перестал различать обещание и пустую похвальбу. На три дня.

— Ты не говорил.

— Потому что цена была моей.

Яра постукала ногтем по сегодняшней строке.

— Сегодня она стала моей.

— И вернётся к вечеру.

— А если книга снова запишет только «от ремесла дома»?

Родан отвернулся к окну. Во дворе Торек разгружал пачку медного прутка, принесённую кузнецом в счёт старого долга. Молодой человек нёс груз на плече, осторожно обходя лужу. Он ещё не знал, что его плата лежит на столе неполной стопкой.

Савел перелистнул тетрадь к началу года и стал отмечать все взыскания, где получателем значился дом. Их оказалось семнадцать. В девяти внутренняя цена не была указана вообще. В пяти стояли отцовские короткие пометы. Три завер-

шились обычной денежной комиссией.

— Остановим эти девять до чтения, — сказал он.

— Нет, — сразу ответил Родан.

— Нада всё равно запечатает книгу, если повторится ошибка.

— Пусть попробует.

— Остановим, — повторил Савел. — Три дня дом проживёт.

Яра повернула к нему счётную доску.

— Проживёт. Торек не получит остаток. Слуду не купим. За стойло попросим подождать. Если хозяин «Трёх осей» потребует задаток сегодня, займём у Нады или продадим жёсть, которую ещё не купили.

— Я верну задаток из своей дорожной доли.

— Твою дорожную долю только что съела мука.

Савел посмотрел на стопки. В семейной книге цена всегда помещалась в одну строку. На кухонном столе одна остановленная строка превращалась в овёс, уголь, зарплату, масло, хлеб и лекарство отца. Он впервые ясно увидел не то, сколько дом получает с обещаний, а как быстро дом научился считать обещания уже полученными.

— Возьму новое поручение, — сказал он.

— За три дня? — спросила Яра.

— На Круговом дворе всегда есть спор.

— Новое поручение платит после исполнения. Нам нужны деньги до него.

Родан собрал бирки в связку.

— Поэтому старые дома не живут от одного сегодняшнего дня. Мы ждали эти платы годами. Они наши.

— Ожидание не делает получателя верным, — сказал Савел.

— Зато кормит тех, кто сохранил запись.

В кухню вошёл Торек. Высокий, сутуловатый, в кожаном фартуке, он держал в руках счёт кузнеца и старался не смотреть на разложенные деньги.

— Пруток весь, — сказал он. — Три связки. Две мягкие, одна закалённая.

Яра отсчитала ему четыре серебряных.

— Остальное через три дня.

Торек не взял монеты.

— Опять через три?

— Я сказала, что заплачу.

— В прошлый раз тоже было через три.

— Тогда забери все четыре сейчас, а остальное запишем.

— Я не о том.

Он бросил взгляд на Родана, затем на семейную книгу.

— Хозяин места у южной кузницы снова спрашивал, не хочу ли я перейти. Платит каждую субботу.

— И чему он тебя научит? — спросил Родан. — Клепать ведёрные ручки?

— Может, научит получать деньги за ручки.

Яра подтолкнула монеты к Тореку.

— Возьми. Решение о работе не входит в твой долг перед домом.

Родан резко повернулся.

— Какой ещё долг?

— Ты сам всегда говоришь: он живёт у нас, ест у нас, учится у нас.

— Это не долговая строка. Это порядок.

— Тогда ему легко будет уйти.

Торек наконец взял деньги, но не убрал в карман.

— Мне говорили, что при поступлении отец подписал за меня ученическую расписку.

— Тебе было пятнадцать, — сказал Родан.

— Я знаю, сколько мне было.

— Твой отец получил инструменты и место на зиму. Ты получил ремесло.

— А что должен сейчас?

Родан открыл рот и замолчал. Савел услышал, как в мастерской остывает жестяной лист: тонко потрескивает металл, отдавая тепло воздуху.

— Найди и эту запись, — сказал он.

— Мы говорили о Мелехе, — возразил отец.

— Теперь говорим о доме.

— Если начать перебирать каждую старую строку, работать будет некогда.

— Сегодня Яра не может работать именно из-за старой строки.

Родан поднялся. На больную ногу он наступал осторожно, зато трость ставил с такой силой, будто хотел пробить доску.

— Вы выросли в тёплых комнатах и решили, что тепло приходит из печи. Нет. Оно приходит из того, что кто-то летом думает о зиме. Я брал обещания, когда вместо денег давали слово. Я ждал, когда другие хватали первую медь. Я сохранил дом после смерти вашей матери. Теперь одна девчонка порезала палец, один ученик захотел субботнюю плату, и вы объявляете весь порядок воровством.

Яра побледнела, но ответила спокойно:

— Я не объявляла тебя вором. Я спросила, что именно моё.

— Всё, что есть в этом доме, ваше.

— Тогда и долги должны быть нашими по согласию, а не по крови.

Отец ушёл в коридор. Через минуту хлопнула дверь нижней кладовой. Савел хотел последовать за ним, но Яра покачала головой.

— Дай ему найти книги самому. Если полезешь следом, он будет защищать каждый лист от тебя, а не искать запись. Торек всё ещё стоял у стола.

— Мне сегодня собирать оправы? — спросил он.

Яра попробовала взять щипцы. Пальцы сомкнулись верно, но знакомый поворот снова не получился. До конца торгового дня оставалось несколько часов.

— Собирай, — сказала она. — Я буду резать слюду.

— Слюды мало.

— Значит, режь без ошибок.

Торек ушёл в мастерскую. Яра собрала счета. Савел оставил на столе деньги для масла и угля, остальные вернул в суму.

— Куда ты? — спросила она.

— К хозяину «Трёх осей». Попрошу не забирать задаток.

— Он забрал заказ.

— Тогда попрошу дать нам другой.

— Без моего движения?

— Торек умеет собирать оправы.

— А я, значит, буду резать слюду в собственной мастерской.

— До вечера.

Яра посмотрела на свою руку.

— Ты повторяешь отца.

Савел задержался у двери.

— Что мне сказать?

— Правду. Мы не знаем, до вечера ли.

Он кивнул.

Хозяина «Трёх осей» Савел нашёл в трактире напротив конюшни. Заказ тот не вернул, но согласился дать два дня, если получит скидку и письменное обещание срока. Савел отказался писать обещание от имени мастерской без Яры. Они сошлись на том, что Торек принесёт один готовый фонарь к завтрашнему полудню, и только тогда хозяин решит,

оставлять ли заказ. Это было не доверие и не милость. Просто старые фонари в трактире коптили потолок, а другой мастер просил дороже.

На обратном пути Савел зашёл к торговцу маслом, к угольщику и владельцу стойла. Первым двум заплатил. Третий согласился ждать до конца недели в обмен на бесплатную проверку расписки с поставщиком сена. Савел назвал вслух предел работы: прочесть одну строку, дать заключение, не взыскивать и не свидетельствовать. Владелец стойла удивился такой подробности.

— Раньше ты просто говорил «разберусь», — заметил он.

— Раньше я слишком многое оставлял на потом.

Когда Савел вернулся, на Круговом дворе зажигали фонари. Яра стояла у окна мастерской и медленно вращала щипцы. Движение вернулось, но стало неровным: на середине поворота кисть дёргалась.

— Лучше? — спросил он.

— Иначе.

Она показала две оправы. На первой край лёг ровно. На второй металл пошёл мелкой волной.

— Раньше я не думала, где остановить пальцы, — сказала Яра. — Теперь должна смотреть.

Из нижней кладовой донёсся кашель Родана. Он вынес на свет узкий деревянный ларец и поставил его на пол, не попросив помощи. Внутри лежали приходные тетради, связанные по годам.

— Вот ваш Мелех, — сказал он. — И все остальные, раз уж вы решили судить хлеб до того, как его испекли.

Савел развязал нужную тетрадь. На странице за второй день листопада стояло: «Мелех Краюш получил безопасный проход каравана до Ясеневого брода. Встречная польза отложена у Клина».

Ниже отец приписал другим цветом: «Право получения принято домом Вежиных в счёт сбора и ожидания».

Под первой строкой стояла зарубка Мелеха.

Под второй — только знак Родана.

— Здесь нет согласия Мелеха, — сказал Савел.

— Он согласился заплатить сборщику.

— Сколько?

— Обычную долю.

— Одна удача без цены — не доля.

Родан опустил на стул.

— Тогда денег не было. Он просил провести караван немедленно. Клин принимал только будущую удачу. Я взял ожидание на дом.

— Ты взял саму удачу.

— Без моей записи она осталась бы у дороги.

— Возможно, она должна была остаться Мелеху.

— Мёртвому?

— Ты не знаешь, что он мёртв.

— Двадцать два года, Савел.

Яра села рядом и провела пальцем над двумя строками,

не касаясь бумаги.

— Почему Клин ждал двадцать два года?

Родан потёр левую ладонь.

— Удача такого размера накапливается медленно. Девятая дорога была бедна после засухи.

— Или он ждал получателя, — сказал Савел.

Отец не ответил.

В глубине ларца лежали ещё тетради. На корешках стояли годы, уходившие далеко за Савелово рождение. Дом действительно жил этими страницами: покупал уголь, кормил лошадь, платил лекарю, учил Торека, держал мастерскую. Если остановить старые взыскания, счета не исчезнут. Если продолжить, цена снова могла прийти за пальцами Яры — или за тем, что семья пока не умела назвать.

Савел достал чистый лист и положил рядом с приходной записью.

— Что пишешь? — спросил Родан.

— Все старые расписки, где дом назван получателем без отдельного согласия просителя.

— Их много.

— Значит, начну сегодня.

Яра подвинула ему лампу. Потом взяла второй лист и написала наверху: «Чем дом платил внутри».

Родан смотрел, как дети делят одну стопку записей на две, и впервые за день не спорил.

Глава 3. Дух исполняет дословно

К полуночи на кухонном столе лежали четыре стопки.

В первую Савел складывал расписки, под которыми находилась зарубка просителя. Во вторую — строки, где Родан позднее вписал дом Вежиных получателем. В третью Яра отбирала внутренние цены: слух, движение, дорожную память, умение различать верный металл по звону. Четвёртая оставалась самой тонкой и оттого самой неприятной. В ней были записи, которые никто из троих не мог понять до конца.

Родан ушёл спать, не попрощавшись. Торек закончил оправу для трактира и тоже поднялся наверх. Из мастерской доносился запах гашёного угля. Яра сидела боком к столу и время от времени поворачивала щипцы в правой руке. Кисть всё ещё дёргалась посередине привычного движения.

— Перестань проверять, — сказал Савел.

— Когда перестанет дёргаться, перестану.

— Ты утомляешь руку.

— Это моя рука.

Он не ответил. После сегодняшнего утра любое замечание о том, что принадлежит Яре, звучало опасно.

На дворе хлопнула ставня. Потом в жестяной водосточной трубе что-то зашуршало, словно сверху сыпали сухой горох. Савел поднял голову. Дождя не было. Ночь стояла холодная и ясная.

— Он пришёл, — сказала Яра.

— Кли́н не входит в дома́.

— Значит, зовёт наружу́.

Шорох повторился. На этот раз по трубе прокатился один камешек, ударил в колено желоба и замер.

Савел закрыл семейную книгу, надел плащ и взял железный фонарь. Яра поднялась следом.

— Ты останешься.

— Цена была моей.

— Потому и останешься.

— Именно потому пойду́.

Она поставила щипцы на стол. Спорить дальше значило повторить отцовское «дом решит», только другим голосом. Савел подождал, пока сестра набросит куртку, и открыл дверь.

Круговой двор после закрытия ворот становился похож на пустую чашу. Девять арок темнели между складами и галереями. Посередине, возле каменного круга, горел один дежурный фонарь. Его свет не доставал до мостовой, но на каждом мокром булыжнике лежал узкий медный отблеск.

Клин стоял у девятой арки.

Он не был похож на человека, хотя издали легко было ошибиться. Длинное тело складывалось из дорожной пыли, обрывков сухой травы и тонких щепок, которые держались вместе без верёвки. Вместо лица под капюшоном темнела гладкая дощечка с одной глубокой зарубкой. Когда дух дви-

гал рукой, песчинки сыпались с пальцев и возвращались с мостовой обратно.

Перед ним лежала медная монета.

— Это часть удачи? — спросил Савел, остановившись в трёх шагах.

— Это медь, — ответил Кли́н.

Голос шёл не из-под капюшона. Он возникал в скрипе ворот, в дребезге стекла, в трении подошв о камень.

— Ты положил её сюда.

— Да.

— Зачем?

— Чтобы тот, кто поднимет её, получил медную монету.

Яра присела, но не коснулась находки.

— А если её подберёт сторожевая девочка и купит горячий хлеб? — спросила она.

— Она получит монету. Хлеб получит от пекаря в обмен на монету.

— А если её поднимет богатый купец и даже не заметит?

— Он получит монету.

Савел услышал в ответах не насмешку, а ровность. Кли́н не хотел помочь понять. Но и запутывать не хотел. Для него между медью в ладони девочки и той же медью в кошеле купца не было различия, пока получателем назван тот, кто поднимет.

— Ты пришёл из-за расписки Мелеха, — сказал Савел.

— Ты пометил получателя оспоренным.

— После исполнения.

— После принятия цены.

— Цена была названа до того, как ты передал удачу.

Клин повернул гладкую дощечку лица к Яре.

— Одно движение руки до конца торгового дня.

— В книге этого нет, — сказала она.

— В книге есть: «внутренняя цена принята от ремесла дома».

— Это написал ты.

— Это было предъявлено мне как запись дома.

Савел достал книгу из сумы.

— Я предъявил старую расписку. Новую строку записал ты.

— Твоя рука держала перо.

Савел раскрыл страницу. Угольная помета расплылась, зато новая строка лежала чётко, будто буквы вдавили в бумагу костяным жалом. Он помнил, как перо двигалось под его пальцами. Клин коснулся железного наконечника, и рука Савела сама вывела слова. Тогда это казалось обычным подтверждением исполнения.

— Ты заставил меня написать, — сказал он.

— Ты позволил моей руке вести твою после того, как назвал себя сборщиком этой строки.

— Это не одно и то же.

— Назови различие.

Савел уже открыл рот, но Яра опередила:

— Если он позволил вести руку, это ещё не значит, что позволил сократить мои слова.

Клин повернулся к ней.

— Ты назвала движение, срок и согласие отдать.

— А в книге осталось «от ремесла дома».

— Сборщик принял запись.

— Он не видел её до конца исполнения.

— Он держал перо.

Яра медленно сжала правую ладонь.

— Когда я держу щипцы, а Торек бьёт по оправе молотком, это не делает удар моим.

Клин наклонил голову. С его плеча упал сухой лист, долетел до земли и пополз обратно по плащу.

— Щипцы держат металл. Перо оставляет запись.

— Значит, виновата вещь? — спросил Савел.

— Вины в расписке нет.

— А где она есть?

— Вина не была частью обмена.

Савел шагнул ближе. Железный фонарь качнулся в руке, и тень духа пересекла девятую арку.

— Ты взял у Яры больше, чем она отдала.

— Нет.

— Её движение не вернулось полностью.

— Она отдала одно движение руки до конца торгового дня. К концу торгового дня движение вернулось ей.

— Оно стало хуже.

— Она не отдавала лёгкость движения. Не отдавала привычность. Не отдавала отсутствие страха перед ошибкой.

Яра выдохнула сквозь зубы.

— Я не собиралась отдавать их.

— Они не были взяты.

— Тогда почему моя кисть дёргается?

— Потому что рука помнит отсутствие движения, а ты помнишь порез.

Ответ был таким точным, что Савелу захотелось ударить духа. Клин не спорил с болью Яры. Он отделял от цены всё, чего не касалась его сила, и оставлял людям последствия их же выбора.

— Ты мог предупредить, — сказал Савел.

— О чём?

— Что возвращённое движение не станет прежним сразу.

— Я не знал, каким оно станет для неё.

— Но знал, что строка неполная.

— Строка была достаточной для исполнения.

Савел раскрыл приходную тетрадь на записи Мелеха. Ветер шевельнул угол страницы. Он прижал его большим пальцем.

— Тогда разберём достаточность. Мелех просил безопасный проход каравана до Ясеневого брода. Ты дал его?

— Да.

— Весь караван дошёл?

— Названный караван достиг Ясеневого брода.

— Мелех был с ним?

— Мелех не был назван пользой.

— Он был просителем.

— Да.

— Проситель входит в караван.

— Не всегда.

Яра встала рядом с Савелом.

— Ответь прямо. Мелех дошёл до брода?

— Я не получал обещания довести Мелеха.

— Ты видел, что он не дошёл?

— Я не вижу после конца своей дороги.

— До конца дороги видел?

Клин вытянул руку. Из его пальцев выпала щепка, легла поперёк медной монеты и стала похожа на маленький дорожный шлагбаум.

— Мелех назвал караван: двенадцать телег с солью, восемнадцать тягловых животных, семерых нанятых возчиков, две семьи переселенцев и товар приказчика Звена. Себя он назвал просителем и проводником.

— Проводник каравана — часть каравана, — сказал Савел.

— Это не было названо.

— Любой человек понял бы.

— Я не любой человек.

В девятой арке заскрипела переключина, хотя ветра там не было.

— Мелех дошёл? — повторил Савел.

— До места, где караван уже мог достичь брода по дороге без моей защиты.

— Какого места?

— До Сухой развилки.

Яра посмотрела на брата. От Сухой развилки до Ясеневого брода оставалось меньше половины дневного пути. Там сходились две колеи, идущие через старые каменоломни. Даже летом туда не ходили в одиночку.

— Почему он отстал? — спросила она.

— Не отстал.

— Тогда что произошло?

— Он перестал вести названный караван.

Савел крепче сжал фонарь.

— По своей воле?

— Воля Мелеха не входила в моё обещание.

— Его увели?

— Увод не был назван.

— Его заставили свернуть?

— Принуждение не было названо.

— Хватит! Ты видел действие. Скажи, что видел.

На этот раз Клин долго не отвечал. Медная монета под щепкой потемнела, словно пролежала под дождём много лет.

— На Сухой развилке Мелех передал верёвку головной телеги приказчику Звену. Потом пошёл по северной колее с двумя людьми, которые не принадлежали названному кара-

вану. Караван продолжил путь. Я продолжил с караваном.

— Эти люди угрожали ему?

— Они не назвали угрозу.

— Люди редко называют её вслух.

— Тогда она не становится словом дороги.

Савел закрыл глаза. Двадцать два года семья считала обещание исполненным, потому что телеги дошли до брода. Родан получил право ждать удачу. Клин охранял перечисленные повозки, животных, возчиков, семьи и товар. А человек, который просил о защите, вышел из каравана, не будучи назван его частью.

— Ты мог пойти за ним, — сказал Савел.

— Тогда я оставил бы названный караван.

— Мог предупредить остальных.

— Меня просили дать безопасный проход, а не совет.

— Ты знал, что Мелех может не вернуться.

— Я знал, что он идёт по другой дороге.

— И ничего не сделал.

— Сделал всё обещанное.

Яра взяла Савела за рукав. Не чтобы удержать от драки — бить дорожный дух было всё равно что бить перекрёсток, — а чтобы он замолчал и услышал собственный вопрос.

— Если бы Клин пошёл за Мелехом, — сказала она, — а на караван напали бы у брода, что ты сказал бы сейчас?

Савел посмотрел на неё.

— Что он бросил обещанное ради того, о чём его не про-

силы, — продолжила Яра. — Нам не нравится выбор, но выбор сделали словами до дороги.

— Мелех не мог перечислить каждую опасность.

— Тогда Родан должен был спросить, входит ли проводник в караван.

Клин поднял руку. Пыль между его пальцами сложилась в тонкую линию.

— Сборщик спросил.

У Савела похолодела спина.

— Что?

— Родан Вежин спросил Мелеха, должен ли проводник считаться частью каравана. Мелех ответил: «Я отвечаю за себя сам. Береги груз и людей, которых я веду».

Яра отпустила рукав брата.

— Это записано? — спросила она.

— Нет, — ответил Клин.

— Почему?

— Это был предел пользы, а не обещание платы.

Савел раскрыл тетрадь снова. Под строкой о безопасном проходе теснилась отцовская приписка, но слов Мелеха не было.

— Предел пользы должен быть в записи, — сказал он.

— Должен, если люди хотят передать её другому сборщику без потери смысла.

— Ты принял неполную запись.

— Я слышал полный обмен.

— А я через двадцать два года слышал только книгу.

— Ты назвал себя продолжателем руки, которая записала обмен.

Савел вспомнил старую формулу. Он произносил её перед каждым взысканием с семейной страницы: «Я, Савел Вежин, продолжатель руки и дома, подтверждаю сохранность сказанного». Так учил отец. Так говорил дед. Слова казались удостоверением подлинности книги. Теперь в них открылся другой смысл.

— Я подтверждал то, чего не слышал.

— Да.

— И потому ты счёл книгу достаточной.

— Я счёл твоё подтверждение частью предъявления.

Яра посмотрела на закрытые окна их дома. За одним из них спал Родан.

— Значит, Клин не поверил записи, — сказала она. — Он поверил Савелу, который поручился за её полноту.

— Я не знал, что ручаюсь за это.

— Незнание не меняет названных слов, — ответил дух.

— Удобно.

— Нет.

Впервые в голосе Клина изменилось что-то, кроме громкости. По девяти аркам одновременно прошёл тихий хруст, будто в каждой треснула тонкая корка льда.

— Дословное исполнение неудобно, — сказал он. — Удобство требует догадаться, кому простить неточность, чью

цель предпочесть и какую цену считать малой. Если я стану выбирать, я буду не дорогой, а хозяином дороги.

Савел невольно посмотрел на монету. Клин положил её так, чтобы получил тот, кто поднимет. Не бедный. Не нуждающийся. Не хороший человек. Любая добавленная справедливость стала бы волей духа, а не участников обмена.

— Но сейчас хозяином оказался сборщик, — сказала Яра.
— Он выбирал, что оставить в книге.

— Да.

— И ты всё равно исполнял.

— Пока другой сборщик подтверждал сохранность сказанного.

— Теперь не будет, — сказал Савел.

Клин не двинулся.

— Я больше не назову себя продолжателем руки, если сам не слышал обмена.

— Тогда многие старые строки останутся без взыскания.

— Пусть.

— Ты не исполнишь работу дома.

— Работу, которую я обещал сам, исполню. Чужую не буду подтверждать вслепую.

— Дом назван продолжателем во многих строках.

— Дом не говорил моим ртом до моего рождения.

Песок у ног Клина собрался в маленькую воронку. Дух протянул Савелу сухую веточку длиной в палец.

— Тогда назови, что просишь сейчас.

Савел не взял веточку.

— Ответы о Мелехе.

— Ты уже получил их.

— Не все. Кто были двое на северной колее? Куда они пошли? Что Мелех сказал перед уходом?

— Что отдашь?

Яра тихо выругалась.

— Ты сам пришёл из-за оспоренной записи.

— Я пришёл узнать, сохраняет ли сборщик предъявление.

Ответ получил.

— А нам нужны сведения.

— Сведения — новая польза.

Савел услышал привычное начало торга и впервые не ощутил опоры. Раньше он быстро оценил бы цену: день слуха, одну удачную находку, способность узнавать нужный поворот до рассвета. Но каждая такая плата теперь распадалась на последствия, которых не умещала короткая формула.

— Чего хочешь? — спросил он.

— Чтобы одна старая расписка с неверным получателем не была предъявлена до первого снега.

— Какая?

— Выберешь сам после проверки.

— Это не цена. Это отказ от работы, размер которой неизвестен.

Клин положил веточку на камень.

— Тогда ты научился спрашивать предел.

Яра наклонилась к брату.

— Не соглашайся за дом.

— Не соглашусь.

Савел обошёл медную монету и встал так, чтобы видеть сразу духа и девятую арку.

— Я предлагаю другое. Ты отвечаешь на три вопроса о том, что видел от Сухой развилки до ухода Мелеха с дороги. Я отдаю час своей работы: завтра до полудня проверю одну расписку, которую ты назовёшь. Только проверю полноту пяти частей — пользу, цену, получателя, срок и предел. Не предъявлю её и не подтверждаю. Результат запишу на отдельном листе, доступном обеим сторонам.

— Если найдёшь подмену?

— Помечу подмену. Исправлять буду лишь с согласия живых сторон или их названных представителей.

— Если сторон нет?

— Оставлю спорной.

— Если час закончится раньше проверки?

— Остановлюсь и запишу, где остановился.

— Если закончишь раньше часа?

— Остаток не переходит к дому и не сохраняется за тобой.

Клин поднял веточку. На сухой коре появилась одна чёрная черта.

— Польза названа. Цена названа. Получатель пользы — ты и Яра Вежина вместе или каждый отдельно?

Савел посмотрел на сестру.

— Каждый получит ответы сам, — сказала Яра. — Если один не расслышит, другой не обязан передавать смысл.

— Получатель цены?

— Расписка, которую ты назовёшь, — ответил Савел и тут же понял ошибку. — Нет. Проверку получит тот, кто имеет право предъявить эту расписку. Назови его до согласия.

— Право предъявления записано за домом Поречников.

— Живые представители есть?

— Есть.

— Они знают о проверке?

— Нет.

— Тогда я не стану разбирать их запись для тебя без них.

Клин опустил веточку.

— Ты отказываешься.

— Предлагаю час открытого чтения с представителем Поречников. Если он согласится, ты отвечаешь сейчас. Если не согласится до завтрашнего полудня, обмен отменяется, и никто никому не должен.

— Срок назван, — сказал дух.

— Предел тоже: одна расписка, один час, только проверка пяти частей, без взыскания и исправления.

— Цена не принадлежит тебе одному. Час завтра принадлежит и тем, кому ты уже обещал работу.

Савел вспомнил хозяина стойла. Он обещал проверить одну строку поставщика сена, но не называл точного часа. И всё же день уже не был пустым.

— С восьмого до девятого удара утреннего колокола, — сказал он. — До поручения хозяина стояла. Если Поречники придут позже, обмен не состоится.

— Принято.

Чёрная черта на веточке разделилась на пять коротких насечек.

— Первый вопрос, — сказал Савел. — Кто были двое, с которыми ушёл Мелех?

— Один назвался Кленом Бурым, менялой из Верхнего Конца. Второго Мелех назвал братом Веи, но имени не произнёс.

— Второй вопрос, — сказала Яра. — Куда они пошли?

— По северной колее до старого известкового спуска. Дальше моя дорога не продолжалась.

— Третий, — сказал Савел. — Что Мелех сказал перед тем, как оставить караван?

Клин ответил сразу:

— Приказчику: «Доведи их и не жди меня у брода». Клену Бурому: «Я пришёл один, как обещал». Второму человеку: «Вея не должна узнать».

Яра закрыла рот ладонью. Теперь исчезновение Мелеха переставало быть случайной потерей на дороге. Он шёл на встречу, которую скрывал от жены, и заранее не собирался возвращаться к каравану у брода. Это не доказывало ни бегства, ни убийства, ни добровольного обмена. Но впервые у поиска появлялась северная колея и два человека.

— Мелех обещал им что-нибудь при тебе? — спросил Савел.

— Это четвёртый вопрос.

Савел стиснул зубы. Дух не уступил ни слова сверх названного.

— Я предложу новую цену.

— Нет, — сказала Яра.

— Один вопрос.

— Ты уже обещал завтрашний час. Сначала проверь, что он действительно твой.

Она была права. Савел слишком легко снова потянулся к будущей работе, как отец тянулся к будущей удаче Мелеха. Отложенная цена казалась дешёвой, пока не наступал день платить.

— После открытого чтения, — сказал он Клину.

— Если захотите.

Дух поднял медную монету. Щепка соскользнула, но не упала: распалась в воздухе на пыль.

— Что будет с удачей Мелеха? — спросила Яра.

— Она передана названному получателю.

— Дому Вежиных?

— Да.

— Можно вернуть?

— Удача уже стала удачной продажей.

— Деньги можно отдать Вее или Орине.

— Это будет новый дар людей. Не возврат исполнения.

Савел подумал о шестьдесят трёх серебряных, разложенных утром на уголь, масло, овёс, муку и плату Тореку. Часть уже ушла торговцам. Нельзя было вынуть удачу из хлеба и вернуть на дорогу. Можно было только признать долг, возникший не из магии, а из человеческого решения распорядиться чужой пользой.

— А цена Яры? — спросил он. — Если получатель был неверным, почему ты не вернёшь ей то, что изменилось после исполнения?

— Цена принята за исполненную пользу. Польза исполнена по предъявленной записи. Оспаривание получателя не отменяет произошедшего.

— Значит, ошибка всегда остаётся на человеке.

— Ошибка остаётся там, где сделана.

— Родан подменил получателя, я подтвердил полноту, Яра заплатила, а ты передал удачу. Четыре действия.

— Да.

— Какое из них было нечестным обменом?

Клин впервые подошёл совсем близко. От его плаща пахло горячей пылью, хотя мостовая остыла много часов назад.

— Обмен стал нечестным не в одном действии. Мелех не назвал дом получателем. Родан записал дом. Ты назвал запись полной. Яра назвала цену, полагая получателя верным. Я исполнил предъявленное. Каждый следующий шаг опирался на предыдущий и не проверял его. Поэтому ваша книга сильнее одного лжеца и опаснее одной ошибки.

— Книга ничего не делает сама.

— Тогда не позволяй ей говорить вашим ртом.

Клин прошёл под девятой аркой. Его тело рассыпалось на пыль и траву, но не исчезло сразу: тёмная полоса ещё несколько мгновений тянулась по дороге, затем смешалась с обычной грязью.

На камне осталась веточка с пятью насечками. Савел поднял её и завернул в чистый лоскут.

Яра подобрала медную монету.

— Теперь она моя? — спросила она в пустую арку.

Ответа не было.

— Ты подняла, — сказал Савел.

— Значит, моя. Завтра куплю хлеб.

— Какой?

— Горячий. Чтобы Клин хотя бы раз оказался прав в чужой догадке.

Они вернулись на кухню. Четыре стопки лежали там же, но Савел уже видел в них не четыре вида бумаг. Каждая старая строка была цепью подтверждений: кто-то назвал, кто-то сократил, кто-то переписал, кто-то спустя годы поручился, что смысл не потерян. Дух исполнял последнее предъявление. Человеку предстояло доказать все звенья до него.

Яра взяла чистый лист и положила сверху на семейную книгу.

— Пиши новое правило, — сказала она.

— Я не хозяин всем правилам.

— Тогда пиши правило своей руки.

Савел обмакнул перо.

«Не подтверждать сохранность слов, которых сам не слышал. Для старой записи отдельно проверять пользу, цену, получателя, срок и предел. Позднюю приписку не считать согласием того, чьего знака под ней нет».

Он перечитал и добавил:

«Дом не свидетель».

Яра постучала медной монетой по столу.

— И ещё: тот, чьим умением платят, присутствует при чтении и говорит за себя.

Савел записал.

— А если не может прийти?

— Тогда его умением не платят.

Он записал и это.

У лестницы скрипнула половица. Родан стоял в дверях бо-
сиком, опираясь на косяк вместо трости. Было непонятно,
давно ли он слушает.

— Клин приходил? — спросил отец.

— Да.

— И что сказал?

Савел повернул к нему приходную тетрадь.

— Что ты спросил Мелеха, входит ли проводник в караван. Мелех отказался включить себя в пользу. Почему этого нет в записи?

Родан прошёл к столу и сел. Голые ступни на холодном

полу казались неожиданно стариковскими.

— Потому что он отказался ради торга, — ответил отец.
— За защиту ещё одного человека Клин потребовал бы больше. У Мелеха не было больше.

— У него была будущая удача.

— Тогда мы не знали, какой она будет.

— Зато ты потом записал всю её дому.

Родан провёл ногтем по краю страницы.

— Мелех сказал, что вернётся через два дня и заплатит обычную долю. Не вернулся. Я ждал год. Потом ещё год. Клин держал удачу, а дом нёс ожидание.

— Ожидание не даёт права на всё.

— Сейчас ты умный, потому что у тебя есть уголь в сарае и крыша над головой. Тогда за одну зиму мы потеряли мать, двух лошадей и половину заказчиков. Я брал то, что мог удержать.

Яра положила монету рядом с его рукой.

— Клин рассказал, куда ушёл Мелех.

Родан не коснулся меди.

— На северную колею, — продолжила она. — С Кленом Бурым и братом Веи.

Отец поднял глаза.

— Клен Бурый умер в долговой яме.

— Когда?

— Лет пятнадцать назад. Может, шестнадцать.

— Ты его знал?

— Все знали Клена. Он менял серебро на обещания, когда серебра не было. Потом оказалось, что половина обещаний дана не ему.

Савел посмотрел на стопку поздних приписок.

— Очень знакомое ремесло.

Родан побледнел.

— Я не был менялой.

— Но знал, с кем ушёл Мелех, и не искал?

— Искал. На третий день дошёл до известкового спуска. Там были следы троих и кровь на камне. Дальше следы смыл ливень.

— Почему этого нет ни в книге, ни в тетради?

— Потому что это не исполнение расписки.

Яра коротко рассмеялась без веселья.

— Удобная у нас книга. В ней есть всё, что приносит дому пользу, и ничего, что мешает её получить.

Родан встал так резко, что табурет качнулся.

— Я расскажу на чтении.

— Через три дня? — спросил Савел.

— Через три дня.

— Нет. Утром запишешь всё, что помнишь о поиске. Своей рукой. Отдельно от расписки. И подпишешь, что это память, а не подтверждённый факт.

— Ты мне не судья.

— Я сборщик строки, которую предъявил. Пока она открыта, я отвечаю за то, что принёс Клину.

Отец посмотрел на новое правило поверх книги.

— «Дом не свидетель», — прочёл он. — Значит, от дома ты оставишь одни стены.

— Стены хотя бы не говорят за живых.

Родан ушёл наверх. На этот раз дверь не хлопнула.

Яра собрала четыре стопки и перевязала каждую своей бечёвкой. На первой завязала один узел, на второй два, на третьей три. Четвёртую оставила без узла.

— Почему так? — спросил Савел.

— Чтобы завтра не перепутать в темноте.

— А непонятные?

— Их нельзя делать похожими на понятные.

Она взяла лампу и пошла в мастерскую. Савел остался за столом. До рассвета было несколько часов. Ему предстояло найти дом Поречников, пригласить их на открытое чтение и проверить, не обещал ли он уже кому-то время между восьмым и девятым ударом.

На полях приходной тетради он написал имя Клена Бурого и старый известковый спуск. Потом вынул отдельный лист и начал перечень вопросов для Орины и Вей Краюш: знали ли они о встрече, был ли у Вей брат, что Мелех обещал семье перед уходом, кому, по их мнению, принадлежала будущая удача.

Последний вопрос Савел зачеркнул. Мнение не исправляло старую строку.

Он написал иначе: «Кого Мелех назвал получателе»

лем при свидетелях?»

За стеной Яра снова поворачивала щипцы. Металл тихо щёлкал через равные промежутки. На пятом повороте звук сбился, потом выравнился. Савел не пошёл смотреть. Он записал ещё одно правило своей руки:

«Последствия исполнения не считать доказательством согласия».

Потом закрыл чернильницу. До этой ночи он думал, что дословность Клина делает духа жестоким. Теперь понял: жестокость появлялась раньше, когда человек решал, какие слова достойны попасть в книгу, а какие можно оставить за полями.

Глава 4. Руки фонарщицы

К восьмому удару утра Яра успела испортить четыре медные полосы.

Первая треснула у заклёпки. Вторая легла на оправу косо. Третью она сняла прежде, чем Торек увидел ошибку. Четвёртую швырнула в ящик обрезков так сильно, что оттуда вылетело старое жестяное ухо и покатилося по полу.

— Ещё раз, — сказала она.

Торек держал деревянную форму обеими руками. На ней собирали крышу трактирного фонаря: восемь узких скатов, высокий колпачок для дыма, снизу медное кольцо. До вчерашнего дня Яра могла загнуть каждую полосу с закрытыми глазами. Теперь она ставила щипцы на край, начинала поворот и останавливалась там, где кисть ждала привычного толчка изнутри.

Толчка не было.

Она видела, что нужно сделать. Чувствовала металл. Знала силу нажима. Но между знанием и движением возникла пустая ступенька, на которую нога становилась слишком поздно.

— Может, другим хватом? — спросил Торек.

— Этим хватом я сделала две сотни крыш.

— Сейчас делаешь двести первую.

— Сейчас я делаю пятую испорченную полосу.

Торек поставил форму на верстак.

— Тогда пятую сделаю я.

— Ты держишь форму.

— Форму может держать зажим.

— Старый зажим ведёт дерево.

— Подложим кожу.

— Кожа даст лишнюю толщину.

— Снимем на толщину кожи с прокладки.

Яра посмотрела на него. Торек уже вытягивал из-под нижнего верстака винтовой зажим, которым не пользовались с весны. На железной резьбе засохла смазка. Он соскоблил её кончиком гвоздя и принёс кусок сыромятной кожи.

— Ты опоздаешь к «Трёх осям», — сказала Яра.

— Мы опоздаем, если будем ждать, когда твоя рука вспомнит.

Слова были разумные. Именно поэтому они обидели.

Яра отошла к окну и взяла стеклянную пластину. Слюды оставалось мало, но для первого фонаря хватало. Она положила пластину на шерстяную подкладку, провела резцом и услышала чистый сухой треск. Здесь рука слушалась. Прямой нажим, ровное ведение, короткий надлом — ни одного движения, похожего на тот поворот щипцов.

За дверью мастерской Савел разговаривал с незнакомой женщиной.

— Один час, — повторял он. — С восьмого до девятого удара. Вы присутствуете всё время. Я ничего не взыскиваю

и не меняю.

— А дух зачем это купил? — спросила женщина.

— Не купил. Предложил обмен.

— Духам всё равно, чья запись. Почему ему понадобилась наша?

— Вот это я и хочу выяснить при вас.

Яра выглянула. У конторского стола сидела широкоплечая пекарка в синем переднике. Мука белела даже на её ресницах. Рядом стоял худой мальчик с корзиной булок. Савел разложил чистую бумагу, веточку с пятью насечками и маленькие песочные часы.

— Представитель Поречников пришёл? — спросила Яра. Женщина обернулась.

— Алма Поречница. Дом наш, хотя отец Савела в книге почему-то пишет только мужчин.

— Яра Вежина.

— Знаю. Ты мне дверной фонарь чинила после града.

Алма заметила перевязанное запястье и ящик с мятыми полосами, но ничего не спросила. За это Яра сразу стала относиться к ней лучше.

— Клин придёт? — спросила она Савела.

— Обещал ответы вчера. Сегодня получает проверку. Для неё его присутствие не обязательно.

— Удобно, — сказала Алма. — Мы покажем книгу, а он послушает дорогой.

— Можете отказаться.

— Могу. Только отец всю жизнь говорил, что наш первый дом куплен на обещание огненной дороги. Я хочу знать, что там на самом деле.

Она вынула из-за пазухи узкую книжицу в обгоревшем кожаном переплётё.

Савел перевернул песочные часы.

— Польза?

Алма прочла старую строку:

— «Дорога без холодного пламени от речных ворот до первого двора за стеной».

— Кто просил?

— Рат Поречник, брат моего прадеда.

— Получатель пользы?

— Телега Поречников с мукой.

— Цена?

Алма провела пальцем ниже.

— «Первый хлеб каждого нового очага отдавать дороге».

Савел поднял голову.

— Каждого очага семьи или каждого очага в доме?

— Не написано.

— Получатель цены?

— Дорога.

— Какая?

— Та, что без холодного пламени.

— Это польза, а не имя получателя.

Алма скрестила руки.

— Так пекари и кормили все девять придорожных камней. Первый каравай после свадьбы, переезда или новой печи ломали на девять частей.

— Почему именно девять?

— Чтобы не ошибиться дорогой.

Яра услышала, как Торек за её спиной затягивает винт зажима. Дерево тихо скрипнуло. Она хотела вернуться к работе, но вопрос Савела удержал:

— Кто решил делить на девять?

— Прадед. Или его отец. Какая разница?

— Разница в восьми лишних долях хлеба с каждого нового очага.

Алма посмотрела на мальчика. Тот прижал корзину к животу.

— Хлеб всё равно съедают птицы, — сказала она.

— Тогда зачем Клин выбрал эту запись для проверки?

— Может, проголодался.

Савел не улыбнулся. Он отметил на листе: польза названа, получатель пользы назван, цена названа неполно, получатель цены не назван, срок повторения неясен, предел семьи неясен.

— В книге есть продолжение? — спросил он.

Алма перевернула страницу. На следующей другой рукой было добавлено: «Пока стоит дом и печётся хлеб».

— Чей знак?

— Прадеда.

— Не Рата?

— Рат не вернулся с той поездки. Телега вернулась.

В мастерской упал зажим. Яра вздрогнула. Торек выругался вполголоса и поднял его.

Савел посмотрел в сторону звука, но продолжил чтение.

— Прадед получил дом после Рата?

— Да.

— И продлил цену от его имени.

— Или записал то, что тот сказал.

— Свидетели?

— Все умерли.

— Тогда я не могу назвать приписку подтверждённой.

Алма потянулась забрать книжицу.

— И что теперь? Перестать кормить камни и ждать пожара?

— Холодное пламя появлялось после той поездки?

— Нет.

— На других дорогах?

— Дважды. Оба раза не у нас.

— Значит, вы платили много поколений за одну проведённую телегу, а не за вечную защиту.

— Если перестану, а пламя придёт?

Савел повернул к ней лист.

— Я не решу за вас. Записываю только то, что можно подтвердить. Обмен Рата завершился, когда телега дошла до первого двора. Поздняя строка о вечной цене не имеет его

знака. Кто сейчас хочет защиты, может заключить новый обмен от своего имени и назвать предел.

Песок в верхней чаше почти иссяк. Алма долго смотрела на пять помет.

— Клин знал, что строка дурная?

— Думаю, знал, что её продолжают предъявлять как полную.

— Почему сам не сказал?

— Потому что его не просили проверять. И потому что человек должен присутствовать при разборе своей цены.

Алма забрала книжицу. Перед уходом она положила на стол две булки.

— Это не первый хлеб очага, — сказала она. — Это плата за час.

— Час уже оплачен Клином.

— Тогда за то, что спросил про восемь лишних долей.

— Назовите даром без встречной пользы, — сказал Савел.

Алма закатила глаза.

— Дарю две вчерашние булки дому Вежиных. Ничего не хочу взамен, кроме чтобы вы их съели, пока не зачерствели сильнее.

— Получатель назван домом, — заметила Яра.

Алма посмотрела на неё, затем рассмеялась.

— Дарю Яре, Савелу, Родану и Тореку по половине булки. Если кто не хочет, его половину отдайте мальчику. Так годится?

— Годится, — сказала Яра.

После девятого удара Савел убрал веточку в конторский ящик и ушёл проверять расписку владельца стойла. Яра закрыла дверь мастерской, отрезая себя от семейной книги, Поречников и духов.

— Показывай, — сказала она Тореку.

Он закрепил форму горизонтально. Под железные губки зажима подложил кожу, а под край формы — тонкую жестяную пластинку, чтобы возместить толщину. Заготовка держалась крепко. Теперь Торек мог работать обеими руками.

— Ты уже пробовал? — спросила Яра.

— На обрезке.

— Обрезок плоский. Здесь восемь скатов.

— Поэтому пробую на первом.

Он поставил щипцы. Его пальцы легли слишком далеко от шарнира.

— Ближе, — сказала Яра.

Торек передвинул руку.

— Не настолько. Там пережмёшь край.

Он нашёл середину.

— Теперь поворачивай не кистью, а локтем.

— Ты всегда кистью.

— Я всегда могла.

Торек начал загиб. Металл пошёл тяжело. Локоть отвёл щипцы по широкой дуге, край лёг без трещины, но недостаточно плотно.

— Ещё четверть, — сказала Яра.

— Четверть чего?

Она раздражённо показала пальцами.

— Вот столько.

— Это толщина ногтя или половина пальца?

Раньше в мастерской никто не спрашивал. Яра говорила «чуть», «дожди», «пусти мягче», и Торек понимал по её рукам. Теперь её рука не могла показать.

Она взяла уголь и начертила на верстаке угол.

— Отсюда сюда. Потом переставь щипцы на ширину большого пальца.

Торек дождал. Полоса легла ровнее.

— Так?

— Проведи ногтем.

Он провёл по сгибу.

— Цепляется.

— Значит, мало. Ещё.

На третьем скате Торек пережал медь. По краю появилась белёсая линия.

— Снять, — сказала Яра.

— Она выдержит.

— Сегодня выдержит. После зимы треснет.

— Трактирщик просил фонарь к полудню.

— Он просил фонарь, а не отсроченную трещину.

Торек опустил щипцы.

— Если будем снимать каждый сомнительный край, не за-

кончим.

— Тогда не закончим.

— И заказ уйдёт.

— Пусть.

— А моя плата?

Вопрос повис между ними тяжелее зажима. Яра посмотрела на четыре серебряных, которые Торек вчера всё-таки забрал. Остальные четыре дом ему задолжал. Она могла сказать, что заплатит позже. Уже говорила.

— Не знаю, — ответила она.

Торек отвернулся.

— Зато честно.

— Честность не заменяет серебро.

— Это я вчера сказал.

— И был прав.

Он провёл большим пальцем по белёсой линии.

— Можно усилить край узкой накладкой. Трещина не пойдёт дальше.

— Лишний шов будет копить копать.

— Почистят.

— В трактире? Они старые фонари не чистили год.

— Тогда сделаем накладку съёмной.

Яра уже хотела перечислить причины, почему нельзя. Потом остановилась. До вчерашнего дня она никогда не делала съёмную накладку на крыше. Но это не значило, что её невозможно сделать. Только что Алма много лет делила хлеб

на девять частей, потому что так делали прежде. Яра не собиралась превращать свои руки в ещё одну семейную книгу.

— Нарисуй, — сказала она.

Торек взял уголь. Его накладку получалась слишком широкой. Яра сузила её, добавила два усика, которые можно отогнуть изнутри, и оставила между медью и жёстью тонкую воздушную щель.

— Копоть будет проходить насквозь, — сказал Торек.

— Зато её вымоют водой, не снимая крышу.

— Если трактирщик согласится на видимый шов.

— Покажем до установки. Не согласится — переделаем весь скат.

Они вырезали накладку. Торек загибал, Яра отсчитывала движения вслух.

— Поставь щипцы. Сожми до касания, не сильнее. Поверни локоть до угольной черты. Отпусти. Передвинь на палец. Снова.

После шестого повторения Торек перестал торопиться. После двенадцатого край лёг ровно. Он установил накладку, загнул усики и подал Яре крышу.

Она осмотрела шов на свет, провела ногтем, постучала костяшкой. Звук был ниже обычного, но дребезга не было.

— Выдержит, — сказала она.

— Ты уверена?

— Нет. Поэтому напишем хозяину, что это первая такая накладка, и дадим бесплатную замену, если разойдётся за зи-

му.

— Это обещание результата.

— Нет. Обещание одной замены при одном условии до первого весеннего месяца. Материал наш, установка наша, привезти фонарь должен он.

Торек улыбнулся.

— Савел тебя испортил.

— Савел вчера чуть не продал духу твой завтрашний час. Это я его исправляю.

Они вставили слюду и зажгли фитиль. Дым поднялся под крышу, скользнул вдоль накладки и вышел через колпачок. На медном краю проступила тонкая тень, но пламя горело ровно.

— Неси к «Трёх осям», — сказала Яра. — Только сначала позови хозяина сюда.

— Он не придёт.

— Тогда не получит фонарь.

— Он вчера уже забрал заказ.

— Вчера. Сегодня у нас другой способ сборки. Пусть увидит и решит.

Торек снял фартук и ушёл. Яра осталась перед горящим фонарём. В стекле отражались её руки: правая держала крышу, левая прикрывала пламя от сквозняка. Со стороны они выглядели прежними.

Она взяла щипцы и поставила на новый обрезок. Сжала. Начала поворот. Пустая ступенька появилась снова. Кисть

дёрнулась, металл смялся.

Яра не бросила его в ящик. Распрямила молотком и попробовала движение от локтя, как учила Торека. Получилось грубо, зато без остановки.

В дверях стоял Родан.

— Твой способ хуже, — сказал он.

— Вижу.

— Дай руке два дня.

— А потом?

— Вернётся.

— Ты не знаешь.

Отец подошёл к фонарю. Его взгляд сразу нашёл лишний шов.

— Это что?

— Съёмная накладка.

— На новой крыше?

— Мы пережали край.

— Нужно было заменить полосу.

— Мы дали заказчику выбор.

— Показывать заказчику каждую ошибку — остаться без заказчиков.

Яра поставила щипцы.

— Ты поэтому не записал кровь у известкового спуска?

Родан вздрогнул, будто она ударила его обрезком меди.

— Это другое.

— Ошибка в работе тоже всегда другое. Пока не треснет

зимой.

— Мелех сам ушёл. Клин это подтвердил.

— Сам пришёл на встречу. Мы не знаем, сам ли ушёл потом.

— Двадцать два года прошло.

— Для руки тоже прошло время. Полдня. Ты уже решил, что она вернётся.

Отец сел на низкую скамью. Утренний свет подчёркивал серую щетину и глубокую складку возле рта.

— Когда я потерял слух обещаний, — сказал он, — первые три дня все слова звучали одинаково. Я не различал, где человек связывает себя, а где просто хочет понравиться. Потом начал слышать снова.

— Полностью?

Родан потер левое ухо.

— Почти.

— Что значит «почти»?

— Раньше ложное обещание отдавало железом на языке. После цены железо исчезло. Я различал по дыханию, паузам, тому, как человек держит плечи.

— То есть дар не вернулся.

— Вернулся слух. Не вернулась лёгкость.

Яра вспомнила слова Клина: рука помнит отсутствие движения. Отец знал это много лет и всё равно позволил назвать её движение внутренней ценой.

— Почему не предупредил меня вчера?

— Если бы сказал, ты отказалась бы.

— Да.

— Дом потерял бы удачу.

— Вот и ответ.

— Я думал, у тебя вернётся лучше. Ты моложе.

— Нет, отец. Ты думал, что потеря поместится во мне, а польза останется всем.

Родан опустил голову. На его колене лежала рука с набухшими суставами. Эти руки когда-то держали перо и дорожный посох, вязали узлы, поднимали детей, хоронили жену. Яра знала это. Знание не делало его решение честнее.

— Покажи старые внутренние цены, — сказала она.

— Мы перебирали ночью.

— Не записи. Покажи, что у тебя не вернулось.

— Это нельзя показать.

— Тогда расскажи точно.

Родан долго молчал.

— После слуха обещаний я перестал узнавать пустые клятвы сразу. После дорожной памяти одна тропа возле Каменного лога стала для меня чужой, хотя я ходил там с детства. После узла пальцы научились снова, но в темноте я его не свяжу. После голоса два месяца не мог петь высоко.

— Ты пел?

— Когда была жива ваша мать.

Яра впервые слышала в перечне не только потерю ремесла. Дом платил кусками человека, которые удобно было на-

звать умением. Вернувшийся навык оставлял после себя узкую выемку: незнакомую тропу, немой узел в темноте, песню без верхних нот.

— Запишем каждую, — сказала она.

— Зачем? Они давно уплачены.

— Чтобы не говорить на чтении, будто всё вернулось.

— Это мои потери.

— Значит, будешь говорить сам. Я только помогу назвать.

Родан посмотрел на новый фонарь.

— Накладка некрасивая.

— Зато снимается.

— Сделай вторую с внутренней стороны. Тогда снаружи будет чисто.

— Внутри слишком жарко. Усики отпустит.

— Не если взять мягкую медь и загнуть вокруг ребра.

Яра представила разрез. Отец был прав: вокруг ребра накладку держалась бы без двух усиков и почти не мешала дыму.

— Для следующего, — сказала она. — Этот уже покажем как есть.

Родан кивнул. Он не попросил взять щипцы и не сказал, что сумеет лучше. Просто остался на скамье, пока Яра принесла тетрадь и записала с его слов четыре неполных возвращения.

Хозяин «Трёх осей» пришёл сам, сердитый и запыхавшийся. Его звали Братко, и ростом он почти не уступал двер-

ному проёму. Торек семенил следом.

— У меня обед через час, — заявил Братко. — К вечеру зал должен быть светлый.

Яра зажгла фонарь и показала накладку.

— Этот шов появился из-за пережатого края. Он удержит трещину и позволит вымывать копоть, но прежде мы так не делали. Можете взять фонарь со скидкой в три серебряных. Если накладка разойдётся до первого весеннего месяца, один раз заменим крышу за свой материал и работу. Доставите фонарь сами.

Братко согнулся над верстаком.

— А если не разойдётся, но станет уродливее?

— Уродство не мешает свету.

— Моим гостям мешает.

— Тогда не берите. Через два дня сделаем обычную крышу.

— Вчера ты обещала к сегодня.

— Вчера Савел договорился показать один готовый фонарь к полудню, после чего вы решите, оставлять ли заказ. Вот фонарь.

Братко покосился на Торека.

— Этот делал ученик?

— Торек загибал крышу по моим указаниям. Я резала слюду, собрала горелку и проверила тягу. Решение о накладке наше общее.

— А почему не ты загибала?

В мастерской стало тихо. Родан пошевелился на скамье, но не вмешался.

— После взыскания старой семейной расписки я утратила привычное движение правой руки, — сказала Яра. — Оно вернулось не полностью. Поэтому способ работы изменился.

Братко отступил от фонаря.

— Это заразное?

— Только если у вас есть семейная книга, которая платит моими руками.

Торек кашлянул, пряча смешок.

Братко ещё раз осмотрел шов. Потом велел погасить остальные лампы. Яра закрыла ставни. В темноте новый фонарь дал ровный круг света на полу. Из-за накладки одна тень получилась чуть шире, но на столы она не падала.

— Три серебряных скидки, — сказал трактирщик. — И замените крышу, если разойдётся.

— Один раз, до первого весеннего месяца, при доставке сюда.

— А если фонарь развалится весь?

— Тогда выясним причину. Эта гарантия касается только накладки.

— Пишешь хуже сборщика.

— Я сестра сборщика.

Братко протянул руку Тореку.

— Неси. За остальные пять возьмётесь?

Яра посмотрела на ученика.

— Если Торек согласен работать этим способом и получит остаток платы сегодня.

— Откуда? — спросил Родан.

— Из денег за первый фонарь.

— Тогда не хватит на медь для остальных.

— Братко даст половину стоимости материала вперёд, если хочет сохранить цену заказа.

Трактирщик нахмурился.

— Я уже давал задаток.

— И забрал его вчера.

— Потому что вы испортили срок.

— Теперь новый способ, новый срок и новый задаток. Или один фонарь со скидкой, и мы расходимся.

Братко посмотрел на горелку, потом на старые закопчённые фонари за дверью.

— Половина материала, — сказал он. — Остальное после каждого готового. Через сколько?

— По одному в день, кроме седьмого дня. Пять штук. Накладку используем только там, где она понадобится, и каждый раз покажем.

— Мне некогда ходить каждый день.

— Тогда заранее разрешите или запретите накладки.

— Запрещаю на тех, что висят у входа. На кухонных делайте, если дешевле.

Яра записала условия простыми строками. Братко поставил знак. Торек расписался как исполнитель крыш. Яра —

как мастер горелок, слюды и окончательной проверки. Никто не написал «мастерская обязуется», пока не стало ясно, какой человек делает какую часть.

Когда они ушли, Родан пересчитал задаток.

— После меди останется пять серебряных.

— Четыре Тореку, — сказала Яра.

— Одно в дом?

— Одно на новую кожу для зажима. Старая промокла маслом.

— А еда?

Яра разделила одну подаренную булку на четыре половины. Родан хотел возразить счёту, потом заметил вторую булку.

— Сегодня еда пришла даром, — сказала она. — Завтра заработаем.

Торек вернулся через полчаса. Братко заплатил за первый фонарь и отдал задаток на материал. Яра положила перед учеником недостающие четыре серебряных.

— Это вся плата за прошлую неделю.

— Знаю.

— Не долг обучению, не доля дома и не аванс за следующие фонари.

— Просто плата?

— Просто плата.

Он пересчитал монеты и убрал в карман.

— Тогда о следующих договоримся отдельно.

Родан шумно втянул воздух, но промолчал.

— Договоримся сейчас, — сказала Яра. — За каждую крышу два серебряных. Если приходится переделывать из-за твоей ошибки, второй раз не оплачивается. Если ошибка в моём указании, переделка оплачивается. Материал дома. Срок — один фонарь в день, но не больше восьми часов работы. Можешь отказаться после любого готового фонаря, предупредив до начала следующего.

— А обучение?

— Если я учу новому приёму, час обучения не вычитается из платы. Если ты просишь отдельный урок вне заказа, договоримся отдельно.

— А еда и место наверху?

Яра посмотрела на отца.

— До конца месяца — часть прежней ученической договорённости, пока мы не найдём запись и не разберём её при тебе. После решим заново. Согласен?

Торек помедлил.

— Согласен до конца месяца. Но запись хочу увидеть завтра.

— Найдём сегодня.

Он протянул руку. Яра хотела пожать правой, но кисть снова предательски дёрнулась. Тогда она дала левую.

Торек пожал её без улыбки и без жалости.

После обеда они начали вторую крышу. На этот раз Яра не брала щипцы. Она изготовила из обрезка жести простой ука-

затель: две полоски, соединённые заклёпкой, раскрывались на нужный угол. Торек прикладывал его после каждого загиба. Слова «чуть сильнее» и «ещё немного» исчезли. Вместо них появились угол, ширина захвата и число повторов.

Работа шла медленнее прежнего. Зато к пятому скату Торек сам услышал слишком высокий звон края и остановился до трещины.

— Отпусти нажим, — сказала Яра.

— Уже.

— Тогда продолжай.

Она резала слюду, проверяла фитили и записывала размеры. Правая рука всё ещё не умела старого поворота, но могла держать линейку, вести резец и чертить. Яра больше не проверяла щипцы каждые несколько минут. Пустая ступенька никуда не делась; просто перестала быть единственным входом в мастерскую.

Перед закатом Савел вернулся со стойла. Он принёс мешочек овса вместо платы и новую спорную строку, которую владелец попросил прочитать завтра.

— Ты обещал только заключение, — напомнила Яра.

— Дал заключение. Он теперь хочет отдельную проверку с поставщиком.

— За отдельную цену?

— За два дня стойла.

— Чьего?

— Моей лошади.

— Тогда твоё дело.

Савел увидел записи на стене мастерской: углы, ширину захвата, порядок загиба, условия заказа Братко и четыре неполных возвращения Родана.

— Что здесь произошло?

— Мы перестали надеяться, что рука станет вчерашней.

Он посмотрел на неё виновато.

— Клин сказал, что движение вернулось.

— Движение — да. Навык был больше одного движения.

Отец это знал.

Родан сидел у печи и переписывал свои потери на отдельный лист. Он не поднял головы.

— Я могу спросить у Клина, что именно изменилось, — сказал Савел.

— Не надо покупать объяснение о моей руке без меня.

— Тогда пойдём вместе.

— Сначала найдём, чем платить, что принадлежит нам обоим.

Яра показала на второй фонарь. Его крыша была без накладки. Один скат чуть отличался углом, но это замечал только мастер.

— Торек сделал сам, — сказала она. — По указателю.

Савел провёл пальцем по краю.

— Лучше первого.

— Первый тоже годен. Просто честно показывает, где мы ошиблись.

— Братко согласился?

— После торга. И заплатил Тореку.

— Дом заплатил Тореку.

— Нет. Братко заплатил дому за фонарь, а дом рассчитался с Тореком за прошлую работу. Не склеивай две строки, сборщик.

Савел поднял руки.

— Понял.

Вечером они ели подаренный хлеб с остатками похлёбки. Каждому досталось по половине булки, как назвала Алма. Вторую половину Торека он сначала хотел оставить на завтра, потом отдал мальчику, который прибежал от Поречников с запиской.

Алма сообщала, что семья прекращает делить первый хлеб на девять камней до общего чтения. Один каравай они завтра отнесут к той дороге, которая действительно провела телегу Рата, но только как благодарность от живых Поречников, без обещания будущим детям.

Под запиской стояли семь знаков взрослых членов семьи.

— Кли́н выбрал их запись не ради хлеба, — сказал Савел.

— Может, ради того, чтобы ты увидел ещё одну позднюю приписку, — ответила Яра.

— Тогда он всё-таки направляет нас к справедливости.

— Или к точности. Не путай.

Она положила правую ладонь на стол и медленно повернула кисть. Без щипцов движение получилось плавным. С

воображаемым металлом — бесполезным. Рука знала поворот, но больше не знала, как встретится с сопротивлением.

— Завтра продолжишь? — спросил Торек.

— Продолжу работать.

— Я про старый хват.

Яра посмотрела на угольный указатель угла, на зажим с кожей и на ровную крышу второго фонаря.

— Один раз утром, — сказала она. — Потом хватит проверять прошлое. У нас четыре новых фонаря.

Родан дописал последнюю строку своего перечня и подвинул лист к детям. Внизу стояло: «Память моя; полноту не подтверждаю».

Савел прочёл вслух четыре утраты. Яра добавила пятую: «После цены Яры — привычный поворот щипцов вернулся без прежней лёгкости; новый способ найден ею и Тореком совместно».

— Это не утрата, — сказал Родан. — Раз нашли способ.

— Способ не возвращает потерянное, — ответила Яра. — Он не даёт потере забрать остальное.

Она поставила дату и свой знак.

За окном зажглись фонари Кругового двора. Один, у дверей «Трёх осей», был ярче других. На его крыше темнела лишняя полоса, видимая даже с кухни. Яра смотрела на неё без стыда. Накладка не притворялась цельным металлом, а ученик — рукой мастера, дом — человеком, запись — памятью.

В эту ночь свет держался именно потому, что шов оставили видимым.

Глава 5. Первый живой получатель

До Ясеневого брода Нада Ровня ехала так, будто дорога задолжала ей время.

Она не подгоняла гнедую кобылу, не кричала на возчиков и не срезала повороты. Просто выбирала свободную колею раньше других, замечала поднятую ось до того, как та перепоразивала путь, и спрашивала дорогу у тех, кто действительно ехал от брода, а не у людей, любивших давать советы.

Савел держался рядом на старом сером мерине. Семейную книгу он оставил дома. В суме лежали только копия строки Мелеха, новый лист с пятью вопросами и письмо Кругового двора, подтверждающее, что Савел ищет свидетелей, а не взыскивает долг.

— Правильно, что книгу не взял, — сказала Нада после первой версты.

— Почему?

— С книгой тыходишь как сборщик. Без неё придётся войти человеком.

— Я всё равно сборщик.

— Это и мешает.

Они проехали обоз с шерстью. Под колёсами хрустел первый тонкий лёд. Девятая дорога тянулась между сухими полями, затем нырнула в березняк. Савел смотрел на каждую северную тропу и пытался представить Мелеха двадцать два

года назад: красная серьга, верёвка головной телеги, двое мужчин, слова «Вея не должна узнать».

— Если Вея жива, — сказал он, — она может не захотеть говорить.

— Тогда не будет.

— Через два дня чтение.

— Чтение назначено для разбора записи, не для выжимания показаний из вдовы.

— Без неё получатель останется неизвестным.

Нада повернула голову.

— Ты уже решил, что она получатель?

— Мелех просил безопасность для каравана, которым кормил семью. Будущая удача могла предназначаться жене.

— Могла. А могла сестре, возчикам, владельцу соли или ему самому. Не привози Вее готовую роль. Живые плохо помещаются в пустые места чужой книги.

У брода дорога расширилась. Река шла мелко между серыми камнями; над водой стоял новый деревянный мост, но старую переправу ещё использовали пастухи и телеги с тяжёлым грузом. На ближнем берегу вырос посёлок: кузница, две харчевни, красильня, ряды домов под дранкой. От прежнего колодезного двора Краюшей остался только каменный круг возле ивы.

Нада начала с водовоза. Тот помнил Орину: старая женщина с согнутой спиной держала сушильную трав на верхней улице. Вея, по его словам, давно уехала на восток с дочерью.

— Дочь Мелеха? — спросил Савел.

— А чья же ещё? — ответил водовоз. — Я ей родословную не проверял.

Орина жила в доме, к которому снаружи были прибиты десятки полок. На них сохли корни, ягоды и пучки серебристой травы. Дверь открыла девочка лет десяти с зелёными от сока пальцами.

— Бабка на заднем дворе, — сказала она. — Если покупать будете, платите мне. Если жаловаться — ждите её.

— Мы спрашивать, — ответила Нада.

— Тогда тоже ждите.

Орина Краюш появилась с корзиной корней. Ей было около семидесяти, но двигалась она быстро. Красная серьга с сердоликом висела в одном ухе.

Савел уставился на неё дольше, чем следовало.

— Мелехова, — сказала Орина. — Моя потеря, моя серьга. Кто вы?

Нада назвала себя и протянула письмо. Орина прочла, шевеля губами, затем вернула.

— Вежин, значит.

— Савел, сын Родана.

— На отца похож тем, что сначала смотришь на вещь, потом на человека.

Она велела девочке отнести корни под навес и пригласила гостей в дом. Внутри пахло горькой полынью и печёной репой. На стене висела вторая красная серьга.

— Эта его? — спросил Савел.

— Эта моя. На мне его. Вопросы задавать умеешь, а ждать ответа ещё нет.

Нада сняла плащ.

— Мы можем уйти.

— Можете. Но двадцать два года Вежины не приезжали, а теперь добрались до обеда. Садитесь.

Савел положил на стол копию расписки, не разворачивая.

— Родан говорил вам о договоре с Клином?

— Говорил, что караван дошёл, Мелех нет, дух свою часть исполнил. Потом предложил плату за смерть.

— Какую?

— Три серебряных и право бесплатно ночевать в Девяти-пути.

Савел почувствовал жар в лице. В семейной тетради такой выплаты не было.

— Вы взяли?

— Я бросила серебро ему под ноги. Вея взяла право на ночлег. Ей нужно было ездить искать мужа.

— Она нашла след?

Орина поставила котелок на стол.

— Сначала покажи, что принёс.

Савел развернул копию. Орина не прикоснулась к ней.

— Здесь написано, что Мелех получил безопасность каравана до брода, — сказал он. — Встречная польза — будущая удача. Позже отец вписал дом Вежиных получателем в

счёт сбора и ожидания.

— Удача пришла?

— Вчера.

— Кому?

— Нашему дому. Я взыскал её.

— Значит, привёз?

— Она стала удачной продажей. Деньги частично потрачены на дом.

Орина налила отвар в три чашки.

— Тогда зачем приехал?

— Узнать, кому Мелех обещал пользу.

— После того как забрал?

— Да.

— Удобное у вас время для вопросов.

Нада взяла чашку, но не стала пить.

— Мы разбираем запись через два дня. Орина, вы ничего не обязаны дому Вежиных и не обязаны помогать Савелу. Но если хотите, ваши слова прочтут вместе с книгой.

— А если не хочу?

— Прочтут без них и скажут, что живая сторона отказалась участвовать.

Орина посмотрела на Наду внимательнее.

— Ты не его свидетель?

— Я свидетель порядка чтения. Не его правоты.

— Уже лучше.

Она села напротив Савела.

— Мелех не обещал удачу мне. Все тоже не обещал.
Савел приготовил перо.

— Кому тогда?

— Не знаю.

— Но вы уверены, что не вам?

— Потому что он пришёл к нам перед дорогой и попросил не ждать выгоды. Сказал: если вернётся удача, она уйдёт за старый долг.

— Какой долг?

— Не сказал.

— Вея знала?

— Поэтому и поссорились. Она думала, долг карточный. Мелех не играл. Я думала — за соль, но хозяин каравана платил ему исправно.

— Он называл человека?

— Один раз сказал «тот, кто оставил мне дорогу назад». Не имя.

Савел записал фразу отдельно и поставил рядом знак: память Орины, без свидетеля.

— Красная серьга была на нём в день исчезновения?

Орина коснулась мочки.

— Была. Вея нашла её через полгода.

— Где?

— У менялы в Речном Торге. Тот сказал, что купил серьгу у человека из известковых артелей.

— Клен Бурый?

Чашка в руке Орины остановилась.

— Откуда знаешь?

— Клин видел, как Мелех ушёл с ним и братом Вей по северной колее.

— У Вей не было брата.

Савел поднял перо.

— Клин сказал: второго Мелех назвал братом Вей.

— Значит, соврал духу или человек соврал ему. Вей была одна у матери.

— Родственник, которого называли братом?

— Она никого так не называла.

Нада впервые отпила отвар.

— Кто мог знать, что у неё нет брата?

— Полпосёлка. Но Мелех привёл её из Верхнего Конца.

На девятой дороге мало кто знал её родню.

— Клен знал?

— Клен познакомил их.

Савел положил перо.

— Почему этого нет в рассказе отца?

— Потому что твой отец искал человека, а не причину.

Дошёл до крови, решил, что Мелех мёртв, и закрыл счёт.

— Он предлагал вам плату за смерть.

— За ошибку. Только не признал, какую.

Орина встала и сняла со стены вторую серьгу. Положила рядом с копией расписки. Серьги были похожи, но не одинаковы: на одной сердолик держали три зубца, на другой че-

тыре.

— Мелехову Вея выкупила у менялы. Потом сравнила с моей и увидела, что застёжку переделали. Такой крючок ставил мастер в Верхнем Конце. Мы поехали к нему. Он помнил Клена: тот принёс серьгу и попросил заменить застёжку, чтобы носить самому.

— Клен носил её?

— Красный камень у них означал, что человек вернул дорогу. Так говорила Вея.

— У кого «у них»?

— У менял обещаний.

Савел вспомнил слова Родана: Клен менял серебро на обещания, половина которых была дана не ему.

— Мелех мог отдать серьгу как плату.

— Мог. Могли снять с мёртвого. Мог проиграть. Мы не знали.

— Где Вея сейчас?

Орина не ответила.

Нада поставила чашку.

— Вы не обязаны говорить.

— Не обязана. Но если не скажу, он будет искать по чужим дверям и принесёт больше беды. Вея живёт в Каменном Логу. Держит постоянный дом «Зелёная крыша». Фамилию взяла материнскую — Ладная.

— Почему водовоз сказал, что она уехала на восток?

— Потому что я ему так сказала.

— Она скрывается?

— Она устала быть вдовой человека, которого каждый год кто-нибудь видел на новой дороге.

Савел сложил копию, но Орина прижала её пальцем.

— Ты спросил, кому была удача. Я не знаю. Но знаю, кому она не была.

— Вам и Вее.

— И дому Вежиных. Мелех не любил твоего отца.

— Пользовался его работой.

— Пользовался, потому что Клин без сборщика не писал людям расписок. После первой дороги Родан взял обычную долю. После второй потребовал будущую. Мелех сказал: «Лучше отдам её тому, кто вернул мне дорогу назад».

— Вы слышали?

— Я стояла у колодца. Родан ответил: «Если тот человек жив, пусть придёт и назовётся». Мелех сказал: «Он не может».

— И всё равно заключил обмен через отца?

— Караван должен был уйти до ночи. У них портилась соль после дождя. Люди берут помощь у тех, кому не доверяют, когда времени нет.

Савел записал оба высказывания. Они не называли получателя, но уничтожали удобное объяснение отца: будто дом получил удачу просто за ожидание.

— Вы приедете на чтение? — спросил он.

— Нет.

— Можете поставить знак под записью своих слов.

— Могу. Но сначала прочти всё вслух.

Он прочёл. Орина исправила «Мелех не любил Родана» на «Мелех не доверял Родану в денежных делах». Убрала слово «точно» перед воспоминанием о колодце. Добавила, что Вея выкупила серьгу через полгода, но мастер мог ошибиться в сроке. Только после этого поставила зарубку, похожую на раздвоенную ветку.

— Вот первый живой получатель, — сказал Савел, убирая лист.

Орина стукнула чашкой о стол.

— Я не получатель.

— Я имел в виду живую сторону.

— Тогда так и говори. Ваши ошибки начинаются с удобных слов.

На обратной стороне листа Савел написал: «Орина Краюш — свидетель слов до обмена и поисков после; права на удачу не заявляет».

— Теперь верно, — сказала она.

На дворе девочка перебирала корни. Орина велела ей принести свёрток из сушильни. Внутри оказалась старая карта, нарисованная на мешковине. Северная колея шла от Сухой развилки к известковому спуску, затем раздваивалась. Одна тропа вела к заброшенным печам, другая — к Каменному Логу.

— Вея ходила к печам, — сказала Орина. — Нашла ре-

менную пряжку Мелеха и яму с золой. Костей не было.

— Клен мог пройти к Логу.

— Мог. Там его потом видели.

— Отец сказал, что он умер в долговой яме.

— Умер человек под именем Клена Бурого. Вея не верила, что тот самый.

— Почему?

— У мёртвого были все пальцы. У нашего Клена не хватало мизинца на левой руке.

Нада выпрямилась.

— Кто видел тело?

— Сестра тюремного писаря. Она приезжала покупать траву. Я спросила.

Савел добавил на лист ещё одну помету, но не назвал её фактом. Слишком многое держалось на чужой памяти. И всё же путь к Каменному Логу становился не догадкой, а следующей проверяемой дорогой.

Перед уходом он достал кошель.

— Часть денег от удачной продажи принадлежит вам хотя бы до разбора.

Орина не посмотрела на серебро.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не получатель. Только что записал.

— Это возмещение за ошибку дома.

— Тогда назови ошибку, вред и сумму. Ты пока не знаешь

ни одного полностью.

— Мы пользовались удачей, которая не наша.

— Верни тому, чья. Если не найдёшь — решайте на дворе, как не оставить её себе. Но не покупай моё свидетельство под видом совести.

Савел убрал кошель.

— Что вам нужно?

— Чтобы на чтении сказали: Мелех пропал после исполненной дороги, а не потому, что дорога была исполнена. Разницу понимаешь?

— Да.

— И чтобы Родан сам рассказал про кровь.

— Расскажет.

— Это обещание за него?

Савел остановился.

— Нет. Я потребую его присутствия. Говорить будет сам.

Орина кивнула.

На улице Нада купила у девочки пучок горькой травы. Та запросила два медяка. Нада дала один и предложила второй за объяснение, как заваривать. Девочка долго смотрела на неё, потом сказала:

— За медяк трава, за второй — чтобы не испортили. Честно.

— Честно, — согласилась Нада.

Они выехали к мосту после полудня. Савел молчал, пока посёлок не скрылся за березняком.

— Она назвала человека, вернувшего Мелеху дорогу, — сказал он наконец.

— Не назвала. Повторила его слова.

— Клен мог быть тем человеком.

— Мог.

— Тогда Мелех шёл отдать ему удачу.

— Или старый долг. Или серьгу. Или признание. Не торопись превращать след в получателя.

Савел коснулся сумы с листом Орины.

— Живая сторона оказалась полезнее книги.

— Она оказалась живее книги. Польза — твоя оценка.

У развилки Нада свернула не к Девятипути, а на узкую северную колею.

— Куда?

— До известкового спуска два часа. Света хватит посмотреть место.

— Орина сказала, что Вея в Каменном Логу.

— До Лога сегодня не доедем. Зато проверим, существует ли развилка на её карте.

— У меня завтра работа.

— У меня тоже. Поэтому не обещаем доехать до Лога.

Колея поднималась между белёсыми камнями. Берёзы сменились соснами. Через час они нашли ржавое колесо от вагонетки, ещё через полчаса — проваленный навес. Известковый спуск оказался широкой чашей в склоне, заросшей кустарником. На дне белела старая печь.

Нада спешилась.

— Родан говорил о крови на камне. Через двадцать два года её не найдём.

— И пряжку Вея уже забрала.

— Значит, ищем не вещи. Ищем дороги.

За печью действительно расходились две тропы. Восточная поднималась к хребту, где лежал Каменный Лог. Западная обрывалась у осыпи. На сосне возле восточной тропы кто-то когда-то вырезал знак: круг, перечёркнутый короткой чертой.

Савел срисовал его.

— Знак менял обещаний? — спросила Нада.

— Не знаю.

Под корнями сосны лежал кусок красного камня. Савел поднял его, очистил от земли. Не сердолик — обычная обожжённая глина. На обратной стороне была вдавлена цифра девять.

— Дорожная бирка, — сказал он. — Такие выдавали водителям на воротах Девятипути лет тридцать назад.

— Могла попасть сюда с кем угодно.

— Могла.

Он впервые не попытался сразу связать находку с Мелехом. Завернул глину отдельно и подписал место, не называя владельца.

Солнце опускалось. На обратном пути они остановились у Сухой развилки. Савел нашёл камень, на котором Клинт,

вероятно, закончил видеть Мелеха. Две дороги уходили рядом, и человек мог сделать десять шагов по северной, всё ещё слыша скрип своего каравана на востоке.

— Он сказал Вее не ждать выгоды, — произнёс Савел. — Приказчику — не ждать его у брода. Клену — что пришёл один. Он готовился не вернуться.

— Или готовился вернуться другим путём.

— Ты всегда оставляешь вторую возможность?

— Пока первая не доказана.

Они напоили лошадей из дорожной бочки. В воде плавал жёлтый лист.

— На чтении купцы скажут, что получателя нет, значит, дом может оставить удачу, — сказал Савел.

— А ты что скажешь?

— Что отсутствие найденного получателя не делает Вежиных получателем.

— Уже лучше.

— Деньги частично потрачены.

— Запиши, сколько и на что. Не называй расход возвратом.

— Если найдём настоящего получателя, дом будет должен.

— Дом или те, кто решил тратить?

Савел вспомнил Яру, отказавшуюся брать лишнюю часть выручки. Торека, получившего плату за собственную работу. Торговцев маслом и углём, которые не знали происхож-

дения монет. Родана, требовавшего считать удачу общей.

— Я предъявил строку, — сказал он. — Отец подтвердил подмену, Яра заплатила, но не распорядилась выгодой. Решение тратить принимал я.

— Запиши и это. На дворе решат не кровь, а действия.

В Девятипуть они вернулись в темноте. У ворот Савела ждал Торек. На его фартуке блестела медная стружка.

— Нашли мою расписку, — сказал он. — Родан не хочет открывать без тебя.

— Где?

— В книге учеников. Подписал мой отец. Получателем обучения записан я. Получателем работы — дом Вежиных и все его заказы до тех пор, пока мастер не назовёт меня равным.

— Кто должен назвать?

— Не написано.

Нада тихо присвистнула.

— Значит, завтра будет глава про чашку воды? — спросила она.

Савел не понял.

— Сначала маленькие вещи, — объяснила Нада. — Иначе вы утонете в больших. Разберите, как дом превращает обычную помощь в наследуемую услугу. Потом беритесь за ученичество.

Торек нахмурился.

— Моя работа не маленькая.

— Поэтому не будем использовать её как учебный образец. Найдите строку, где цена меньше, а приписка такая же.

Савел вспомнил четыре стопки на кухне. В непонятной лежала расписка водоноса: чашка воды путнику в обмен на помощь дому при следующей засухе. Родан позднее приписал детей водоноса продолжателями.

— Есть такая, — сказал он.

Торек посмотрел на суму.

— А Мелех?

— Орина жива. Вея тоже. Орина не заявляет права на удачу и не считает дом получателем. Мелех шёл возвращать старый долг человеку, который оставил ему дорогу назад. Имя пока неизвестно.

— Значит, зря ездили?

— Нет. Мы нашли первого человека, который отказался занять удобное место в записи.

У дома Яра повесила третий новый фонарь. Его крыша была ровной, без накладки. Свет падал на лист в руках Савела. Он ещё раз прочёл поправки Орины и увидел, как много в них слов «не знаю», «мог», «по памяти». Семейная книга таких слов не любила. Она превращала сомнение в пустое место, а потом заполняла его выгодной рукой.

Савел вошёл на кухню и первым делом записал расходы удачной продажи: масло, уголь, овёс, мука, часть платы Тореку. Рядом указал, кто принял каждое решение. Под итогом написал:

«Получатель не установлен. Дом Вежиных права не доказал».

Родан прочёл через его плечо.

— Если права нет, из чего мы ели два дня?

— Из чужой удачи.

— И что теперь изменит эта строка?

— То, что мы перестанем называть съеденное своим.

Отец хотел возразить, но Савел положил рядом лист Орины с раздвоенной зарубкой.

— Она придёт? — спросил Родан.

— Нет. Но требует, чтобы ты сам рассказал о крови у известкового спуска.

Родан сел.

— Вея жива?

— Жива.

— Где?

— Скажу после чтения, если она разрешит Орине передать место тебе.

— Я искал её мужа.

— А теперь она имеет право решить, хочет ли, чтобы ты искал её.

На стене тикали часы. Яра в мастерской учила Торека слышать перегретую медь по звону. Новый способ уже переходил от одного человека к другому, но не как долг крови и не как тайна дома. Его называли вслух, шаг за шагом.

Савел закрыл тетрадь расходов. Первый живой человек

не подтвердил его догадку, не принял деньги и не согласился стать получателем. Зато вернул записи границы, которые книга вырезала: неизвестное оставалось неизвестным, память — памятью, отказ — отказом.

Этого было недостаточно, чтобы вернуть удачу.

Но достаточно, чтобы больше не взыскивать её второй раз.

Глава 6. Долг за чашку воды

Расписка водоноса лежала между обещанием наточить три косы и долгом за ночлег в пустом сарае. Края её побелели от соли, будто лист много лет держали мокрыми пальцами. В верхней строке Родан написал крупно и ровно: «Мирон Кружечник напоил путника у Белого столба». Ни имени путника, ни дня, ни дороги рядом не было.

Ниже другой рукой стояло: «При следующей засухе помогу дому Мирона водой, сколько смогу донести от открытого источника до заката».

Под обещанием темнел знак Кліна — две сходящиеся черты и точка между ними. Ещё ниже Родан добавил позднюю строку: «После Мирона помощь принимает его дом, а обязанность путника несут его дети и продолжатели».

Савел прочитал всё вслух дважды. Во второй раз медленнее, отделяя первоначальные слова от отцовской приписки. На кухне сидели Нада, Яра, Торек и сам Родан. Клин стоял за порогом: в дом он не входил без приглашения того, кто отвечал за очаг, а Яра пока приглашения не дала.

— Чей это знак под обещанием? — спросила Нада.

— Путника, — ответил Родан.

— Имя?

— Грань. Так он назвался.

— Это имя или край монеты?

— Мне было всё равно. Клин принял.

Дух снаружи шевельнул сухими листьями у ступени, но промолчал.

Яра держала чашку обеими руками. После вчерашней работы пальцы слушались, однако она всё ещё проверяла нажим глазами, словно рука могла соврать.

— Мирон Кружечник был дедом Лиски? — спросила она.

— Прадедом, — сказал Торек. — Лиска возит воду на Медный ряд. Её отец тоже возил, пока колесо не перебило ногу.

— Значит, приписка уже пережила троих людей, — сказала Нада.

Родан подтянул к себе лист.

— Она никому не мешала. В засуху семь лет назад Лиске помогли. Вода пришла по северной канаве прямо к их цистерне.

— Кто пришёл? — спросил Савел.

— Вода.

— В расписке обещал путник.

— Дух взыскал его возможность. Какая разница, ногами он принёс или дождём?

— Большая, если за это у его детей что-то забрали.

Родан провёл ногтем по поздней строке.

— Никто не жаловался.

Нада достала песочные часы, перевернула и поставила рядом с листом.

— Это не суд. Сегодня мы не решаем, действителен ли долг. Мы устанавливаем, что было названо. До падения песка каждый отвечает только на вопрос. Мирон дал чашку воды кому?

— Грани, — сказал Родан.

— Что Грань обещал?

— Помочь дому Мирона при следующей засухе.

— Чем ограничил помощь?

Савел прочитал строку:

— Сколько сможет донести от открытого источника до заката.

— Кто добавил детей и продолжателей?

Родан не ответил сразу.

Песок шуршал так тихо, что Савел слышал, как в мастерской остывает медный лист.

— Я, — сказал отец.

— При Грани?

— Позже.

— При Мироне?

— При Мироне.

— Он согласился?

— Он не возражал.

Яра поставила чашку на стол.

— Как именно ты спросил?

— Не помню слов.

— Тогда откуда знаешь, что он не возражал?

— Потому что он оставил расписку в книге.

— Книга была у тебя, — сказал Савел.

Родан посмотрел на него тяжело, но спорить не стал.

Когда песок истёк, Нада убрала часы.

— Теперь нужен Миронов дом. Не его потомки вместо него, а тот, кто сейчас получает помощь и может сказать, что произошло семь лет назад.

— Лиска на Медном ряду до полудня, — сказал Торек. — Потом развозит по дворам.

— Позовём сюда? — спросил Савел.

— Нет, — ответила Яра. — Если нас пятеро усадят её перед семейной книгой, это будет похоже не на вопрос, а на взыскание.

Савел закрыл тетрадь копий.

— Тогда пойдём к ней.

Родан поднялся вместе со всеми.

— Ты останешься, — сказал Савел.

— Я заключал обмен.

— Поэтому сначала услышим её без тебя.

— Боишься, что я заставлю её вспомнить иначе?

— Боюсь, что она будет отвечать человеку, от которого её семья ждёт следующей воды.

Родан медленно сел. Обиды на его лице не было; только усталость человека, которому впервые назвали цену привычного присутствия.

Клин ждал у крыльца. Тело духа сегодня состояло из до-

рожной пыли и тонких прутьев. Вместо лица на ветру поворачивался гладкий серый камень.

— Ты пойдёшь? — спросил Савел.

— Меня не звали к воде.

— Но твой знак стоит в расписке.

— Мой знак подтверждает встречу названных слов. Не всякое подтверждение делает меня стороной.

Нада усмехнулась.

— Хорошее правило. Людям бы такое.

— Людям его предложили раньше, чем они научились писать, — ответил Клин. — Они сочли правило неудобным.

На Медном ряду было тесно от телег. Водовозная бочка Лиски стояла у водостока, окованная полосами чёрного железа. Сама Лиска, маленькая женщина с выгоревшими бровями, держала конец полотняного рукава, по которому вода текла в чан красильщика. Она зажала ткань коленом, приняла медяк и только потом посмотрела на пришедших.

— В очередь, — сказала она. — Даже если дом горит.

— У нас вопрос о старой расписке, — начал Савел.

— Тогда тем более в очередь. Старые расписки не сохнут быстрее свежего белья.

Они дождались, пока Лиска наполнит чан, две кадки у печурки и медный бак банщика. Торек молча помогал перекачивать рукав. Савел хотел взяться за бочку, но Лиска велела не трогать: колесо на склоне тянуло влево, и незнакомая рука могла опрокинуть весь запас.

Только в тени навеса она вытерла ладони о фартук.

— Какую ещё воду вы хотите получить с моего дома?

— Никакую, — сказал Савел.

— Сборщики не приходят за никакой.

Нада показала пустые руки.

— Мы пришли спросить о засухе семь лет назад. Ответ добровольный. Можете отказать сейчас или в середине.

— А потом Кружечникам не откроют канаву?

— Вот это мы и проверяем, — сказал Савел. — Кто открыл её тогда?

Лиска долго смотрела на его суму. Там лежала копия, но Савел не доставал её без разрешения.

— Показывай.

Он развернул лист на перевёрнутой крышке бочки и прочёл первоначальные строки. Позднюю приписку тоже прочёл, назвав её поздней.

— Этого про детей прадед не говорил, — сказала Лиска.

— Вы слышали от него?

— Я родилась через восемь лет после его смерти.

— Откуда знаете?

— У нас есть дощечка.

Лиска отперла ящик под козлами и достала узкую берёзовую плашку. На ней ножом были вырезаны четыре короткие строки. Буквы расплзлись по волокнам, но читались: «Воду дал один раз. Помощь жду один раз. Не больше моей воды. Не после моей смерти».

Савел не сразу поднял глаза.

— Кто вырезал?

— Прадед. Он писать на бумаге не умел, зато метил бочки и счёт держал деревом. Эту плашку отец повесил над дверью, когда началась засуха. Потом Родан велел снять.

— Почему?

— Сказал, Клин читает книгу, а не щепки.

Торек перестал крутить мокрый рукав.

— Ты сняла?

— Отец снял. В тот год он уже плохо ходил. Нам нужна была вода.

— Расскажите, что случилось, — попросила Нада.

Лиска постучала ногтем по первой зарубке.

Весна тогда прошла без паводка. Западные колодцы стали горчить, городской водосбор заперли для пекарен и лечебницы, а частные цистерны продавали ведро по цене обеда. Кружечники возили воду из низины, но на третий день ручей ушёл под камни. Родан принёс семейную книгу и напомнил про чашку у Белого столба.

— Он сказал, помощь принадлежит дому, — продолжала Лиска. — Я ответила, прадед умер. Родан сказал, дом не умирает, пока в нём остаётся кровь. Клин пришёл ночью. Спросил: «Принимаете ли помощь?» Отец сказал да.

— Что именно приняли? — спросил Савел.

— Воду до заката.

— Сколько?

— Родан говорил: сколько нужно дому.

— А Клинь?

— Сколько обещавший мог бы донести.

— Что произошло?

Лиска отвела взгляд к бочке.

— В полдень по северной канаве пошла вода. Чистая, холодная. Мы наполнили цистерну, напоили соседей, дали прачечной. К закату поток иссяк.

— Это спасло вас?

— Да.

— Какую цену взяли?

— Тогда никакую.

Последнее слово прозвучало слишком быстро.

Нада не стала переспрашивать сразу. Она попросила Лиску показать канаву. Та повела их за рядом, между красильней и складом шерсти. Каменный желоб был забит песком. На внутренней стенке сохранилась белая полоса, выше обычного уровня воды.

— Поток шёл отсюда, — сказала Лиска. — До северного источника две версты вверх.

— Один человек не смог бы наполнить эту канаву чашкой, — сказал Торек.

— Обещание было не о чашке, — возразил Савел. — Чашка — то, что дал Мирон. Грань обещал нести от источника до заката.

— Он мог бы донести десять, пусть двадцать вёдер. Здесь

сотни.

Лиска нагнулась и вынула из песка ржавую скобу.

— Потому что он не один носил.

В тот день, объяснила она, вода появилась не только в канаве. На северной дороге шёл караван каменщиков. Двадцать семь человек свернули к источнику, наполнили бурдюки и передавали их цепью к желобу. Они работали до заката, будто забыли, куда шли. Ночью люди пришли в себя у городских ворот и не могли объяснить потерянный день. У каждого на ладони остался белый след от верёвочной ручки.

— Родан заплатил им? — спросил Савел.

— Дал ужин и место во дворе. Они считали, что виноваты жар и дурная вода.

— А Грань был среди них?

— Один назвался Гранью. Старик с синей перевязью. После заката упал у канавы. Клин спросил, исполнено ли обещание. Отец подтвердил.

— Где старик потом?

— Ушёл утром с караваном.

— Он помнил, что делал?

— Помнил. Сказал, что однажды напился и теперь наконец расплатился.

Торек сжал скобу в кулаке.

— А остальные?

— Он сказал, что без них не смог бы. Попросил прощения. Каменщики рассердились, но караванщик не дал задер-

живаться.

Нада опустилась на край желоба.

— Значит, Клин взыскал возможность Грани не из его рук, а из целого каравана.

— Клин исполняет дословно, — сказал Савел, но впервые привычное объяснение показалось ему недостаточным. — В расписке было «сколько смогу донести». Возможно, Грань мог уговорить людей помочь.

— Он не уговаривал, — сказала Лиска. — Они шли как во сне.

— Почему вы сказали, что цену тогда не взяли?

Лиска вернула скобу в песок.

— Потому что цена пришла позже.

Через три года её отец умер. В тот же вечер северная канава снова наполнилась, хотя засухи не было. Вода текла до порога дома Кружечников и стояла там чёрной лужей. Клин явился на рассвете и произнёс, что помощь дому не закончена: Родан записал потомков принимающими, а значит, обмен продолжался. Чтобы закрыть воду, кто-то из дома должен был признать себя новым Мироном.

— Я признала, — сказала Лиска. — Иначе нельзя было вынести тело отца.

— Что вы обещали? — спросил Савел.

— Ничего.

— Любое принятие имеет цену.

— Я сказала: «Принимаю дом и воду после него». Родан

велел повторить.

— Это не цена, — заметила Нада. — Это перечень принятого.

— Клин спросил, чем я являюсь дому. Я ответила: продолжателем.

Савел почувствовал холод, хотя день был тёплым. Поздняя строка работала не потому, что дети Грани унаследовали обязанность. Она заставляла потомков Мирона снова и снова подтверждать право принять уже исполненную помощь. Каждый раз дом переживал человека, а живой человек называл себя продолжателем ради воды, похорон, крыши или ремесла.

— После признания вода ушла? — спросил он.

— До полудня. А через месяц у меня родилась дочь. Родан пришёл записать её имя.

— Записал?

— Я не пустила. Тогда он сказал, без имени Клин однажды может принять весь дом за пустой и вернуть долг дороге.

— Что это значит?

— Не объяснил. Я испугалась. На следующий день сама принесла имя.

Лиска вытащила из-за пазухи кожаный шнурок. На нём висела ещё одна плашка, совсем маленькая. Там были вырезаны имя дочери и слова: «Воды не просила».

— Ей двенадцать, — сказала Лиска. — Если вы пришли сделать её продолжателем, сперва утоплю книгу в цистерне.

— Не пришли, — ответил Савел.

— Тогда зачем?

Он мог сказать: чтобы исправить ошибку отца. Но Лиска уже показала, что ошибка жила дольше одного движения пера. Она давала воду, позволяла хоронить родных, пугала пустым домом, принимала детское имя. Семья Вежиных получала за её сохранение долю при каждом большом разборе Кружечников.

— Чтобы отделить исполненное обещание Грани от приписки Родана, — сказал Савел. — И понять, что Клин считает незавершённым.

— Спросите Кли́на.

— Он не был приглашён к воде.

— Приглашаю.

Клин появился у северного источника раньше, чем они дошли до него. Он стоял между двумя ивами, и тело его блестело влажной глиной. Вода выходила из-под плоского камня тонкой прозрачной струёй.

Лиска положила обе плашки на камень.

— Ты признаёшь эти слова?

— Я признаю, что они произнесены сейчас, — ответил дух.

— А прадедом?

— Я не слышал дерева.

— Ты слышал его самого?

— У Белого столба Мирон назвал чашку даром челове-

ку, который падал от жажды. Грань назвал будущую помощь благодарностью. Мирон сказал: «Если снова застанешь мой дом в нужде». Грань ответил: «Если смогу дойти».

Савел развернул копию.

— В книге нет этих пределов.

— Книга принадлежала записавшей руке.

— Ты поставил знак под неполными словами.

Глина на лице духа треснула тонкой линией.

— Я поставил знак под обменом, названным передо мной.

— Но взыскивал по книге.

— Сборщик предъявил её как память обмена.

— Отец предъявил.

— И назвал себя продолжателем записавшей руки.

Савел слышал собственные слова, сказанные у Клиньего дома. Он тоже подтверждал полноту чужих записей, пока не начал отделять поздние строки.

Нада указала на поток.

— Обещание исполнено семь лет назад?

— Грань дошёл. Донёс, сколько мог, до заката. Дом Мирона подтвердил помощь.

— Почему вода пришла после смерти Лискиного отца?

— Потому что запись называла дом принимающим после Мирона. Человек, подтвердивший помощь, умер. Получатель снова стал неназванным.

— Разве получатель не был домом?

— Дом не пьёт.

Савел сделал помету на полях. Простая фраза разрезала приписку надвое. Родан называл дом тем, кто принимает, но духу каждый раз требовался живой рот.

— Зачем было признавать Лиску новым Мироном? — спросил Торек.

— Чтобы определить, кто подтверждает исполнение.

— А её дочь?

— Имя дочери внесла записавшая рука. Мне его не представляли.

Лиска выдохнула и прислонилась к иве.

— Значит, она ничего не должна?

— Мне — ничего, — сказал Кли́н.

— А дороге?

— Дорога не умеет быть кредитором.

— Родан говорил, долг вернётся дороге.

— Тогда Родан должен назвать, что имел в виду.

Савел закрыл глаза на миг. Отец пугал пустотой там, где Кли́н не видел обязательства. Возможно, он сам верил в угрозу. Возможно, считал страх дешёвой ценой за порядок. Для Лиски разницы не было: она принесла имя ребёнка.

— Можно закрыть запись сейчас? — спросил Савел.

— Кто просит?

Лиска шагнула к источнику.

— Я. Живой человек, который семь лет назад подтвердил помощь. Грань исполнил обещание до заката. Мирон получил благодарность один раз. Мой отец и я пользовались во-

дой, но не обещали передавать право детям. Я не называю дочь продолжателем.

Клин наклонился к плашкам.

— Что отдаёшь за закрытие?

Савел хотел возразить: закрытие не новая услуга. Нада коснулась его локтя и удержала.

— Отдаю право требовать ещё воды по этой расписке, — сказала Лиска. — И не требую вернуть уже принятую.

— Что получаешь?

— Моё подтверждение станет последним. Имя дочери не продолжит запись.

— Срок?

— Сейчас.

— Предел?

Лиска посмотрела на Савела.

— Я могу поставить знак только за себя. Прадедову волю показывает дерево, но говорить его ртом не стану. За отца тоже не стану. За дочь — тем более.

Клин поднял руку из мокрых корней. Над источником дрогнул воздух. На копии в руках Савела знак духа побледнел, но не исчез.

— Принято от Лиски Кружечницы, — сказал Клин. — Её подтверждение последнее. Иные стороны вправе назвать своё, если явятся сами.

— Какие иные? — спросила Лиска.

— Каменщики, чьими руками Грань нёс воду.

Торек тихо выругался.

— Они могут потребовать воду назад?

— Они могут назвать, считали ли помощь своей ценой.

Пока их слова не были спрошены.

— Значит, долг не закрыт, — сказал Савел.

— Закрыта наследуемая часть, — ответила Нада. — Осталась присвоенная работа живых людей. Это другой спор.

Лиска забрала большую плашку, а маленькую с именем дочери протянула Савелу.

— Сожги.

Он не взял.

— Она ваша.

Лиска переломила плашку сама и бросила половинки в воду. Они поплыли по мелкому желобу, не превращаясь ни в знак, ни в чудо.

К дому Вежиных вернулись после полудня. Родан сидел там же, где они его оставили. Перед ним стояла нетронутая миска похлёбки.

Савел положил копию рядом с семейной книгой и прочитал новые записи: слова с плашки, рассказ о каменщиках, подтверждение Лиски, ответ Клі́на. Потом провёл черту под поздней припиской.

— Ты не имел согласия Мирона на наследование, — сказал он. — Грань исполнил помощь один раз. Лиска отказалась передавать подтверждение дочери.

— Кли́н принял?

— Принял от неё отказ требовать ещё воду. Остался вопрос труда каменщиков.

Родан коснулся перечёркнутой строки.

— Если каждый начнёт отделять помощь от тех, кто помогал, половина старых обменов рассыплется.

— Значит, половина держится на людях, которых не спросили.

— Их невозможно всех найти.

— Тогда нельзя говорить, что они согласились.

— И что ты предложишь городу в следующую засуху? Ждать, пока двадцать семь каменщиков пришлют знаки?

Савел посмотрел на пустую чашку Лиски, которую мысленно видел у Белого столба. Мирон не торговался. Он дал воду падающему человеку. Обмен возник позже — из благодарности Грани. Родан сделал из неё запас на поколения, потому что запас казался надёжнее доброй воли.

— Предложу новый договор живым людям, — сказал Савел. — С теми, кто понесёт воду сегодня. Назовём плату, срок и предел до работы.

— На это нужны деньги.

— Да.

— А старый долг уже оплачен.

— Не нами.

Родан откинулся к стене.

— Ты хочешь сделать честность дорогой.

— Она всегда была дорогой. Ты просто записывал цену

на чужой счёт.

Яра вошла из мастерской и положила рядом с книгой железную кружку. На боку темнела свежая пайка.

— Лиска заказала вчера, — сказала она. — Трещина у ручки. Я собиралась не брать денег: её прадед когда-то напоил путника, а наш дом получил комиссию за разбор.

— Возьми обычную плату, — сказал Савел.

— Почему?

— Потому что иначе снова решим за неё, чем закрывается старое.

Яра кивнула.

Торек принёс книгу учеников, но не открыл.

— Теперь моя? — спросил он.

Савел посмотрел на толщину переплёта. После чашки воды пожизненная работа уже не казалась отдельной хитростью. Механизм был тот же: один человек получал помощь, Родан называл дом бессмертным, а затем требовал от следующего живого человека подтвердить чужую благодарность ради насущной нужды.

— Завтра, — сказал Савел. — И не как пример. Полностью.

— Завтра — это обещание?

— Да. Я прочту твою расписку при тебе завтра после открытия мастерской. Если не смогу — пришлю Наду с причиной до полудня. Больше за тебя ничего не называю.

Торек подумал и протянул руку. Савел пожал её. Клин за

порогом не поставил знака: два человека могли договориться без духа, если были готовы помнить сами.

Вечером Савел переписал исходную строку на отдельный лист. Слева оставил слова Мирона и Грани. Справа — позднюю приписку Родана. Между ними указал годы и тех, кто был жив в каждый момент. Получилось не одно длинное обязательство, а несколько разных событий: чашка воды без цены; благодарность с пределом; исполнение чужими руками; подтверждение Лиски; попытка вписать ребёнка.

Он показал лист отцу.

— Ты называешь это одной распиской. Почему?

— Потому что всё началось с одной чашки.

— Река тоже начинается с капли. Это не значит, что капля владеет каждой мельницей ниже.

Родан устало усмехнулся.

— Нада научила?

— Лиска.

Отец долго разглядывал разделённые строки.

— В голодный год люди соглашались на продолжение легче, чем ты думаешь.

— Когда соглашались — покажем их знак. Когда молчали от нужды — не назовём молчание согласием.

— Тогда дом потеряет старые комиссии.

— Возможно.

— Яра потеряет мастерскую.

Из-за двери донёсся ровный стук молотка. Яра работала

медленнее прежнего, но каждый удар принадлежал ей.

— Мастерская не должна стоять на имени двенадцатилетней девочки, — сказал Савел.

Он внёс первую поправку в семейную книгу не поверх старой строки, а рядом, чтобы обе руки оставались видны: «Наследование получателя и обязанного не подтверждено. Лиска Кружечница закрыла своё подтверждение. Дочь не сторона. Труд двадцати семи каменщиков требует отдельного разбора».

Родан взял перо. Савел ждал, что отец вычеркнет запись или добавит возражение. Тот написал только: «Приписку о детях сделал я» — и поставил свой знак.

Это не было раскаянием. Не было и оправданием. Но впервые поздняя рука перестала прятаться под первоначальными словами.

Савел закрыл книгу. За окном Лиска звонила в железный обруч бочки, предупреждая прохожих на узкой улице. Вода плескалась за досками, тяжёлая и обычная. За каждое ведро можно было заплатить тому, кто поднял его сегодня, не превращая вчерашнюю жажду в долг нерождённого ребёнка.

Чашка воды осталась добрым поступком Мирона.

Всё остальное предстояло назвать своими именами.

Глава 7. Подмастерье без выхода

Торек пришёл до открытия мастерской и сам отпер ставни. Обычно ключ хранился у Яры, но в это утро она положила его на порог между ними.

— Открывай, — сказала она. — Сегодня ты неходишь по разрешению дома.

Он поднял ключ, осмотрел, словно и в нём могла быть приписка, и повернул в замке. Внутри пахло углём, канифолью и вчерашней медью. На верстаке лежала ученическая книга.

Савел пришёл с Надой до первого удара часов. Он обещал прочесть расписку после открытия мастерской и успел, но облегчения не почувствовал. Точное исполнение ещё не делало обещание хорошим — этому Клин учил их слишком убедительно.

Торек сел не на ученическую скамью, а напротив Савела. Яра осталась стоять у горна. Родана не позвали: он не заключал эту запись, хотя позже получал с неё пользу.

Первая строка принадлежала прежней хозяйке мастерской, матери Яры. «Дом Вежиных обучит Торека Брусника фонарному делу: резать лист, держать жар, паять шов, править тягу и ставить безопасное стекло».

Под ней стоял знак отца Торека, Дана Брусника: «За обучение сын отдаёт дому работу до тех пор, пока мастер не на-

зовёт его равным».

Тореку тогда было двенадцать.

— Ты ставил знак? — спросила Нада.

— Вот мой.

Внизу виднелась неровная буква, процарапанная так глубоко, что перо порвало лист.

— Что тебе объяснили?

— Что буду жить при мастерской, есть за общим столом и учиться. Когда смогу один сделать фонарь, стану получать долю.

— Кто обещал долю?

— Мать Яры.

Яра кивнула.

— Я слышала. Половину обычной платы за первые десять самостоятельных изделий, потом полную плату за принятые заказы.

— В книге этого нет, — сказал Савел.

— В книге много чего нет, — ответил Торек.

Дальше шли отметки об умениях. Резать лист — освоено. Держать жар — освоено. Пяť прямой шов — освоено. Править тягу — освоено. Безопасное стекло — освоено. Последнюю отметку мать Яры поставила за неделю до болезни. Под ней написала: «Самостоятельный фонарь принят заказчиком».

— Значит, обучение завершилось, — сказала Нада.

— Нет слова «равный», — ответил Савел.

Торек коротко рассмеялся.

— Поэтому я всё ещё ученик.

После смерти матери мастерицей стала Яра. Она ставила отметки за новые работы, но слова «равный» не писала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.